Лабиринт Просперо

Автор:
Антон Чиж

Лабиринт Просперо

Антон Чиж

Родион Ванзаров #11

Знаменитый сыщик петербургской полиции Родион Ванзаров уходит в отставку. Но и тут ему нет покоя! Он становится первым в России частным сыщиком – таким же блистательным, как и на государевой службе. И вот уже он получает заказ… не расследовать преступление, а предотвратить его. Изощренный ум Ванзарова сталкивается с не менее изощренным умом человека, который задумал и обставил будущее преступление как театральную постановку, – и в конце ее Ванзарову уготована награда: черноокая красавица. Но Родион этого еще не знает…

В своем новом романе «Лабиринт Просперо» писатель Антон Чиж впервые в истории мирового детектива выводит на арену сразу трех конкурирующих частных детективов. Чем закончится их схватка? Такого еще не было…

Антон Чиж

Лабиринт Просперо

© Чиж А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предуведомление внимательному читателю

Читатель, друг мой бесценный! Тебе, не разучившемуся различать буквы, тебе, не заслонившему мозг картинками, тебе, не забывшему, что все началось со Слова, тебе, брильянтовый, изготовлена и прошита эта легкая книжица. В ней ты найдешь много занимательного: трупы, убийства и прочие зверства, какие в наше пресыщенное время не столь остры, как год назад. Впрочем, это дело вкуса каждого, и твоего тоже.

Однако о чем это я? Ах да! Зачем тебе эта книжечка. Думаю, эта трудная и вдумчивая задача потребует от тебя настойчивости, внимательности и спокойствия, то есть ровно того, чего у тебя в буре ежедневности, разумеется, нет в достатке. Так зачем тебе тратить время? А вот загляни, и ты узнаешь, как ты, умный и образованный, прочие не читают наши книжечки, да я и не дам им, останешься с носом. Хоть будешь уверен в обратном. Так хочешь остаться с носом? Тогда – вперед. Иначе закрой, положи на полку и иди с миром. Ну так что, яхонтовый мой, принимаешь ли вызов недостойного автора? Хочешь остаться с носом? Рискнешь?

Знаешь, больше нельзя, чтобы литература была пресной гнилой водицей. От нее уже сводит зубы. Все, что печатают, можно сжечь, не задумываясь. Ты согласен со мной, мой читатель? Я думаю, что ты, мой читатель, умный. Я думаю, что ты умнее, чем тебя хочет видеть мой издатель. И что тебе надоели худосочные, одинаковые, примитивные книжки, которые ты читаешь, потому что больше нечего.

Я давно хотел придумать развлечение, достойное тебя. Держи его. Вот оно. Специально для тебя. Только не обожгись и не разочаруй меня. Это горячо и сложно. И совсем не так, как ты думаешь. Кстати, как ты думаешь? Мне бы было очень интересно узнать. Ну, как-нибудь в другой раз. А теперь берись за то, чего ты по-настоящему достоин. Только помни: я все равно обману тебя… Потому что уважаю твой ум. Мне глубоко безразлично, если теперь с горя повесятся так называемые авторы детективов, а критики изольются ядом. Мне важно, чтобы тебя, мой читатель, не держали за дурака. Пойдем, нам есть о чем поговорить. Впереди тебя ждет много капканов. Это действительно невероятный детектив… Если это детектив…

Листок из черновика неизданной рукописи репортера конца XIX – начала XX века, писавшего криминальные очерки под псевдонимом Ариэль Г-нов, по слухам, окончившего дни в лечебнице для душевнобольных на Пряжке, подлинное имя до сих пор неизвестно.

Материалы

для вдумчивого читателя, обязательные к ознакомлению

(вырезать и сохранить отдельно от прочих)

1. Л. Несторов. Колдовство и ворожба в разоблачениях науки. С.-Пб., 1889.

2. Заменяйло Ф-Л. Мои опыты и фокусы. Записки старого мошенника. Рига, 1916. Изд-во Смультевича.

3. Фон Корш. Всеобщее рассмотрение магии как трагического. Варшава, 1889.

4. Леопольд Франц. Путь тайны. Таинственное и гностическое в европейской культуре. С.-Пб., б/г. Изд-во Кругиуса, дозволено цензурой, титульный лист оборван.

5. Домашний маг. № № 1–34, пропущен 16. Журнал для всей семьи, С.-Пб.-М., 1801–1802.

6. Северный каббалист. Сборник критических статей, Пг, 1921. Изд-во пролетарской академии наук «Красный шторм».

7. Василид Преспориус. К пониманию природы вещей. Мюнхен, 1457 г., раскрашено от руки. Инкунабула, находится на цепи в фонде редких книг.

8. Лаврик С. Механика тайн природы. Досужие размышления одинокого ученого. М., 1900 г. Дешевая библиотека, экземпляр в пятнах засохшей крови.

9. Иванов-Тянь С. Ю. Мои путешествия в неведомое. К новым горизонтам разума. В рукописи, б/г. Репринт издан типографией Саратовского ун-та.

10. Цукцвейгель Н. Изучение магических ритуалов у аборигенов островов Зеленого мыса. Пер. с немецкого, 1899 г. Тамбов, тип. Ивана Петровича Кулябина.

1

Снег падал вторые сутки. Белый саван накрыл Петербург. Дома проступали сквозь пелену дикими скалами. Площади тонули в снежных волнах без надежды. Лишь императоры-всадники, Николай и Петр, гонясь один за другим на медных конях, нерушимо стояли против бури, ведя за собой в бронзовом спокойствии столицу своей империи и народ ее, не страшась сгинуть в великом кораблекрушении. Дворники кое-как разметали выпавшие горы, чтобы на их месте взросли новые. Прохожие брели сквозь пургу, пряча лица за воротниками. Дамы кутали щеки в шали, часто стряхивая налипшие снежинки с ресниц. Пролетки с побелевшими спинами извозчиков тащились смутными тенями по белым рекам улиц. И не было конца шторму, налетевшему на прибрежную столицу с ледяного простора Балтики.

Непогода разыгралась как раз в канун Рождества 1901 года. Русская зима показала крутой норов. Но от холода только теплее горели огоньки Рождественских елок, веселей становилось на сердце от праздничных украшений, гирлянд, шаров, игрушек, золоченых орешков и конфет, что

соблазняли украсть их с игольчатых веток. Испортить праздники жителям столицы, ужившимся с наводнениям и пыльными бурями, зимнему урагану было не под силу.

Около шести вечера, когда снежные тучи пожрал зверь куда более хищный – сама тьма, к ярко освещенным дверям лучшей гостиницы столицы, каковой по праву считалась «Европейская», подкатила пролетка. Из нее вышел господин среднего роста, кутаясь в широкополое пальто. Извозчик нес за ним нехитрый багаж. Портье сдержанно поклонился гостю, узнал его имя и указал номер, который ему полагался. Господин в сопровождении полового, несшего за ним чемоданы, поднялся на второй этаж и обнаружил, что номер был вполне роскошным. Пальмы, шторы, ковры и мебель в стиле французского императора отдавали столичным шиком, каким он должен быть, по мнению заезжего гостя. Спровадив мальчишку чаевыми, господин не сдержал улыбку. Нечасто ему приходилось бывать в таких пристойных заведениях. Давно он мечтал пожить вот так – в неге и роскоши, но трудная жизнь в вечных разъездах уводила мечту все дальше. Впрочем, и доходы не давали погрязнуть в удовольствиях жизни.

Господин хозяйской поступью прошелся по номеру, выглянул в окно на темную Михайловскую улицу, от которой осталось мутное пятно газового фонаря, и только теперь заметил на столе конверт желтой бумаги. Напевая знакомый мотивчик, господин вскрыл его и вынул краткую записку, в которой было всего лишь две строчки:

«Ресторан отеля, без четверти семь».

Каминные часы показывали без двадцати. Господин поступил как приказывала другая строчка записки, а именно: чиркнул спичкой и поджег клочок бумаги, от которого прикурил тугую папироску. Выждав, когда от записки останется серый листик пепла, господин заглянул в настенное зеркало, которое услужливо показывало отражение лучше оригинала, остался доволен увиденным и лишь пригладил седой пробор.

В прекрасном расположении духа спустился он в ресторан. Метрдотель, как будто ожидая именно его, предложил пройти в отдельный кабинет. Туда гость был препровожден изысканно вежливым официантом, фрак которого выглядел куда дороже лучшей тройки приезжего. В кабинете его ожидали. Как только за официантом неслышно затворилась дверь, гостю была выражена радость от его визита, завершенная крепким рукопожатием.

– Позвольте называть вас Валет, дорогой друг! – было заявлено гостю, наверное, в шутку.

Предложение казалось несколько странным, тем более отдавало некоторой фамильярностью от незнакомого человека, но отказать было невежливо. Валет только пожелал узнать, как зовут гостеприимного хозяина.

– Иван Иванович, к вашим услугам, – последовал ответ.

Валет понял, что хозяин не склонен раскрывать свое лицо, и без того смазанное полутьмой кабинета, но вида не подал, что для него было не так уж трудно. Менять маски и обличья давно стало у него второй натурой.

– Надеюсь, дело предстоящее стоит той жертвы, что я вынужден был принести на алтарь будущего, так сказать… – с некоторым оттенком трагизма сказал Валет.

Сомнения рассеял тугой конверт, который ему протянули через стол, кстати, накрытый закусками и разнообразными графинчиками, которые так и манили их испытать. Что для человека с дороги вполне простительно. Не удержавшись Валет заглянул внутрь. Сторублевые купюры выглядели как положено вожделенному богатству: строго и надежно, от чего сердце защемило приятнейшими ожиданиями будущих развлечений. Конверт был спрятан поближе к тому самому сердцу, чтоб ему было теплее, рюмки были налиты, и приятное знакомство, обещавшее так многое, укрепил тост. Ужин начался.

Меж легкой болтовней под изумительные закуски – мастерство столичных поваров сразу видно – Валет осмелел и спросил, в чем же ему предстоит участвовать. Иван Иванович, который казался все милей и очаровательней, изложил сюжет во всех подробностях. Дело оказалось столь занятным, если не сказать уморительным, столь подходящим к натуре и типажу самого Валета, столь славным розыгрышем, о котором потом можно будет плести нескончаемые байки в своем кругу, что участвовать в нем было уже счастьем. Не говоря о невероятном вознаграждении, свалившемся на голову. Все было изумительно. Валет счел «принесенную жертву» вполне допустимой. Да и то сказать: не жертва вовсе. Уж ему-то наверняка шалость сойдет с рук. Все же показать, как приятно удивлен, Валет не спешил. Напротив, нахмурившись, изобразил одно из тех выражений глубокой задумчивости, какие всегда имели успех.

– Не знаю, насколько все выйдет гладко… – проговорил он. – Да и вообще…

Иван Иванович уверил, что все подготовлено наилучшим образом. Надо лишь строго держаться выбранной линии. Да и то сказать, всей затеи на день-два, до Рождества, когда шутка будет раскрыта, ко всеобщему удовольствию и под звон бокалов с шампанским. После чего – нескончаемая череда развлечений на Святки. А развлечений в столице в избытке. Сердце Валета вновь издало радостный возглас. Он прямо-таки вынул счастливый билет в лотерею. Все-таки нельзя уступать слишком легко.

– А если все раскроется раньше времени?

– Это категорически невозможно, – заверил Иван Иванович, поднимая тост за талант дорогого гостя.

Валет окончательно растаял. Он стал с интересом и придирчивостью входить в каждую деталь того, что ему предстояло. Иван Иванович отвечал точно, просто и без колебаний, что показывало большую подготовку и продуманность плана. От него исходили могучие волны уверенности. Валет был окончательно очарован. Когда же ему сообщили, что весь реквизит, который необходим, чтобы розыгрыш удался, останется ему, он совершенно размяк. Да и настойки ложились так нежно, что Валет ощутил себя в волшебной стране, где исполняются мечты. Просто колдовство какое-то, не иначе.

Совершенно созревший и готовый на любую шалость, Валет подмигнул не хуже отъявленного заговорщика и спросил: для чего входить в такие траты и вообще.

– Следует отдать долг одного давнего спора, – ответил Иван Иванович, впрочем, без улыбки. – Долг, как известно, надо отдавать сполна.

Ответ удовлетворил Валета. В свой черед он поднял рюмку.

– Вы придумали замечательную игру, не хуже любой драматической пьесы! Да ее на театре можно будет поставить!

– Непременно поставим, – согласился Иван Иванович, приглашая опустошить рюмку.

– И погодка для этого подходящая! Как кстати! – сказал Валет, указывая на воображаемое окно за спиной.

– Вероятно, это так…

– Ну как же, такое совпадение, разве вы не понимаете: «Буря»! – воскликнул Валет. – Снежный шторм, ветер, и мы, заброшенные на остров волшебника Просперо… «Я эту бурю поднял для тебя, мое дитя, единственная дочь!»?[1 - Цитаты из пьесы В. Шекспира «Буря» в переводе Н. Сатина.] – продекламировал он.

– Да-да, конечно, буря…

Валету показалось, что Иван Иванович нахмурился, то ли не понял красивого намека, то ли не придал ему значения. Впрочем, такие пустяки не могут испортить великолепный вечер. Тем более Валет жаждал узнать недостающие подробности.

Иван Иванович вновь стал радушным и очаровательным. Валет еще раз убедился: в предстоящем развлечении нет мельчайшей непродуманной детали. Одно лишь печалило: в роскошном номере доведется ему провести всего лишь ночь. Зато потом, после финала, сможет дать себе волю на все Святки: номер остается за ним.

Валету было понятно все, что от него ждал драгоценный Иван Иванович, и он уже стал придумывать выражения, мимику, подачу и прочее, что требуется в подобных обстоятельствах.

– Иван Иванович, позвольте спросить: а какое участие вы примите в затее? – спросил Валет излишне фамильярно.

– Я буду всегда поблизости, – последовал ответ.

– Чудесно! – воскликнул Валет. – «Забыв все выгоды мирские, я в тишине хотел обогатить мой жадный ум таинственной наукой»!

– В некотором роде.

– Вижу большой ум! – заявил Валет, широким жестом срывая с шеи салфетку. – Счастлив быть вашим другом!

– Благодарю вас, – ответили ему с улыбкой.

– Любопытство – погибель моя… Не могу не спросить: а что же будет с этим вашим… персонажем?

Иван Иванович неторопливо выпил вишневую настойку, промокнул кончики губ и улыбнулся.

– Ему придется умереть…

Валет счел шутку великолепной.

Как все-таки чудесно, что предстоит ему перемешать все времена, пространства и миры, как в волшебной сказке, устроенной самим великим магом Просперо. Обладать могуществом которого грезил он в детских снах. Сразу после того, как добрался до томика Шекспира.

2

Окно покрыла снеговая подушка до середины. И за ночь подросла. В морозном круге Садовая улица угадывалась решеткой Юсуповского сада и побелевшим столбиком несчастного городового. Прочее растворилось зыбкими контурами. Теплое дыхание осаждалось на стекле и схватывалось тонкой пленкой изморози. Убедившись в тщетности попыток дать больше света, Ванзаров вернулся на диван.

Утро его было не только туманным, но и ленивым. Из подходящих занятий оставалось погрузиться в тома древних авторов, закупленные в неприличном количестве, или дожидаться вечера, чтобы отправиться на обед в какой-нибудь ресторан. Жизнь его за последние месяцы решительно изменилась.

Весной уходящего года Ванзаров подал в отставку. Причиной тому были некоторые события, о которых никто не хотел вспоминать от греха подальше?[2 - Об этом деле можно прочитать в романе «Из тьмы» Антона Чижа.]. Со скрипом отставка была принята. Начальство еще взывало к его разуму, суля карьеру и прочие блага, но Ванзаров уперся в самый неподходящий момент, пойдя на поводу у своего упертого же характера. Прошение можно было забрать, можно было вернуться на свое место, ожидая повышения, но он предпочел идти до конца. Начальство сочло такое поведение вызывающим, обиделось и дало отмашку: пусть строптивцу хуже будет. Коллежский секретарь, чиновник для особых поручений сыскной полиции, росчерком пера превратился в чиновника в отставке, хуже того – серого обывателя, и совсем худо – без пенсии. Раз веских причин для отставки не было, то и пенсион не полагался.

Не имея ни копейки накоплений, или домика, или дачки, какие имеет любой нормальный чиновник, уходящий на отдых от трудов выгодных, Ванзаров стал было задумываться, чем зарабатывать на кусок хлеба. Выбор имелся обширный: то ли в цирке участвовать в борцовских турнирах, то ли попроситься назад на родную и оставленную кафедру классической древности Петербургского университета. Впрочем, можно было податься в клерки, приказчики или пописывать в столичную газетенку очерки и репортажи. Выбор казался печально омерзительным. Ничем из открытых возможностей Ванзаров не хотел пользоваться. Душа его так прикипела к сыску и розыску, что отрывалась от них с кровью. По счастью, маялся он недолго.

Не прошло недели, то есть ровно столько, чтобы проесть последнее жалованье, как к нему обратился столичный купец. Ванзарова рекомендовали как специалиста исключительных способностей, могущего решить любую неприятную, а тем более щекотливую ситуацию. Отказаться от подобной чести он не смог. И раскрыл купцу, каким образом из его дома пропадают ценные вещи и, что совсем неприятно, акции на предъявителя. Результат был получен столь стремительно, а виновник оказался столь близким купцу лицом, что это произвело неизгладимое впечатление. Ванзаров был вознагражден щедрым гонораром, оплачивавшим, в частности, полное молчанье о происшедшем. Когда он осознал, что заработал за два дня элементарных розысков больше годового жалованья в полиции, то впервые не пожалел об отставке. И поверил, что не умрет с голоду и не придется ему корпеть в конторе. Столица – неисчерпаемый кладезь проблем, с которыми не всегда пойдешь в полицию.

Так и случилось. Не успел Ванзаров отвести душу в книжных магазинах, закупая стопками тома, на которые раньше только облизывался, как к нему обратился фабрикант по протекции того купца. Проблемка была излишне деликатного свойства, так что о ней фабрикант предпочитал говорить шепотом. Действительно, кто обрадуется шантажу любовницы. И этому горю Ванзаров помог. А дальше все пошло по накатанной дорожке. Вскоре он понял, что не по собственной воле, а по выбору судьбы стал нечто вроде частного сыщика, хоть такие отродясь в нашем Отечестве не водились. Правда, сыщик без вывески и рекламы. Да это было и не нужно. Каждый счастливый клиент приводил следующего, а то и двух. За месяц Ванзаров раскрывал два-три дела, но этого хватало с избытком.

Он уже не знал, куда девать деньги. Потребность в чистых сорочках, которые привык менять каждый день, быстро насытилась, книги не помещались на полки, маменьке было подарено роскошное меховое манто, увидев которое, она разрыдалась. А брат Борис, служивший в Министерстве иностранных дел, получил перстень с камешком, от которого потерял дар речи. Ванзаров счел брильянт достаточной компенсацией за все приятное, что доставил брату, а также с авансом на будущее, на всякий случай.

И все равно деньги не кончались. Конечно, решить эту проблему одним махом можно было, женившись. Жене денег не хватило бы ни на что. Но пойти на столь рискованный шаг ему как-то не хотелось. Ванзаров терпеливо сносил стоны матушки и отбивал все ее попытки подобрать ему чудесную партию.

Не то чтобы он дорожил холостой жизнью или свободой или желал найти невероятную любовь. В тайных глубинах души, и никому более, он признавался, что слишком ценит женскую красоту вообще, чтобы отдать себя целиком одной ее представительнице. Попросту говоря, Ванзаров был влюбчив до безобразия. Бурно влюбляясь, по прошествии времени он безнадежно остывал и, не в силах врать, огорчал очередную любовь свою окончательным расставанием. Зная за собой подобную слабость, он боролся с ней как мог, но слабость упорно побеждала. Положить ее на лопатки борцовским броском не было никакой возможности. Приходилось ходить холостым. Очередной бурный роман растаял как раз на пороге декабря. Так что сердце и мысли его были совершенно свободны.

Последнее дело, которое он раскрыл недели две тому, было не труднее прочих. Принесло оно такой гонорар, что Ванзаров стал подумывать: а не отправиться ли

в путешествие в Рим, Афины и даже Египет, по местам, о которых все знал, но никогда не бывал. Только благодатная лень пока еще удерживала его от того, чтобы купить билет на поезд Петербург – Вена, а оттуда добраться до Вечного города. Ванзаров сам себя убеждал, что наверняка после Святок найдутся дела, которые требуют его присутствия в столице. Правда, ему был предложен еще один заказ. Однако был столь хлопотливым и примитивным, несмотря на шанс международной славы, что он счел за лучшее отдаться отдыху сполна. Так что до Рождества дел не предвиделось. В такие дни даже у самых отчаянных преступников смягчаются сердца. Ванзаров знал, что ему предстоят дни полного безделья, но вот чем их занять – не знал. В самом деле, не идти же на каток, открытый в Юсуповском?[3 - Юсуповский сад – сад с большим прудом при дворце князей Юсуповых в центре Петербурга.] этой зимой.

Выбор развлечений для острого ума был невелик. Публичная библиотека по вечерам закрыта, закатывать пирушки с цыганами он не умел, да и не любил шумных компаний. А сидеть в гостях у друзей тоже надо было честь знать: у всех жены. Что же до того, чтобы провести вечер в опере или драматическом театре, Ванзаров не согласился бы под пыткой. Театр он презирал с высокомерностью римского патриция, считая его лживым, притворным, глупым и вовсе не искусством. То, что чтимые им Софокл, Еврипид и Эсхил остались в веках своими пьесами, предпочитал не замечать.

В хоть какие дела зимнего утра он зачислил завтрак в соседнем трактире, где для него держали отдельный стол и, быть может, прогулку по книжным лавкам Невского проспекта. Рождественский сочельник он собирался провести у матушки. Наверняка будет приглашена очередная «выгодная партия». Что ж, вдруг она окажется «великой любовью».

Мысленно обозрев план дня, которого, по правде, не было вовсе, Ванзаров повернулся на бок и блаженно потянулся. На самом деле это и было тихое мужское счастье: все есть, никому ничего не должен, никто не тиранит, делай что хочешь, и свободы вдоволь. Одно плохо – скучно.

Дверной звонок тренькнул дряблым языком. Ванзаров не ждал никого, клиентов особенно. Он счел разумным, что могли доставить приглашение на рождественский бал Министерства внутренних дел, на который его обещали позвать. Бал этот собирал все лучшие силы борцов со злодеями не только российских, но и со всей Европы. Получив приглашение, а с ним шанс посетить рождественские гулянья в России, любой полицейский от Португалии до

Германии считал это выигрышным билетом и никогда не отказывался.

Бодро вскочив, в три прыжка он оказался у двери и открыл замок. На пороге стоял посыльный, облепленный снегом так густо, что плечи его побелели. Снег запорошил пальтишко, повис на сумке с ремнем через плечо и облепил ботинки. Нос его торчал над перекрестьем лямок башлыка, а на самом кончике виднелся жирный прыщ с волосиной. Лицо пряталось за рукавами башлыка, но румянец щек был заметен. Глаза его трудно было разобрать. Посыльный изверг облако пара и простуженным голосом осведомился, господин ли Ванзаров перед ним, что господин Ванзаров непременно подтвердил. Ему протянули конверт плотной бумаги и блокнот для росписи. Черкнув подпись заледеневшим карандашом, Ванзаров предложил служебному страдальцу погреться чаем, от чего тот вежливо отказался. Посыльный кое-как отдал поклон и вперевалку пошлепал по лестнице. Кургузое пальтишко бедолаге было мало.

Вернувшись на диван, Ванзаров осмотрел конверт, мало похожий на министерский: не нашлось ни герба, ни служебного заголовка. Напротив, бумага дорогая, не казенная. Аккуратно разорвав конверт по краю, Ванзаров встряхнул его. На пол выскользнул почтовый конверт, на котором каллиграфическим почерком было выведено:

«Г-ну Ванзарову лично в руки»

Не будучи знатоком балов, можно было догадаться, что приглашения так не посылают. Не поленившись встать за канцелярским ножом, Ванзаров теперь уже аккуратно поддел и вскрыл заклейку. В конверте виднелась писчая бумага, сложенная вдвое. Развернутый лист содержал краткое письмо:

«Глубокоуважаемый господин Ванзаров! Исключительные обстоятельства вынуждают меня обратиться к Вам с просьбой. Злоумышленники хотят погубить мою жизнь, и я знаю, что они добьются своего, если им не помешать. Ваша помощь необходима крайне срочно. От этого зависит моя жизнь и, возможно, жизнь близких мне людей. Поверьте, все очень серьезно. Я рискую буквально каждую минуту. Прошу Вас не откладывая приехать ближайшим поездом в сестрорецкий «Курорт» и защитить мою жизнь, предприняв все возможное, чтобы опередить и обнаружить злодея. Прошу Вас, остановите убийцу! За Ваши хлопоты прилагаю чек, которым Вы можете воспользоваться в любом случае,

даже если не откликнитесь на мой призыв о помощи…»

Ванзаров взглянул на цифру, которая была вписана в квиток Сибирского торгового банка, конторы с безупречной репутаций. Для неизвестного частного сыщика сумма была исключительной: в кассе можно было забрать десять тысяч рублей! Раз в пять, а то и в десять больше привычного вознаграждения. Ванзаров вернулся к письму:

«…Надеюсь, что сумма не покажется Вам оскорбительной. В противном случае или в случае излишних хлопот с Вашей стороны она будет удвоена. Обратиться к Вам рекомендовали мои друзья…»

Далее следовали фамилии тех небедных жертв, которым была оказана помощь частным образом. Заканчивалось письмо призывом:

«Умоляю Вас не отказать в помощи и спасти меня! Кроме Вас, у меня нет другой надежды! Полагаюсь на Вашу сердечность!»

Оба конверта и подпись на чеке были внимательно изучены. Это дало немного. Ванзаров пожалел, что не заставил курьера заглянуть: как раз появилось несколько вопросов. Как видно, придется задать их автору. Справочник железнодорожных вокзалов столицы нашелся под восьмым томом собрания сочинений Шекспира, издания Венгерова, с золоченой обложкой и чудесным подбором иллюстраций.

По зимнему расписанию ближайший поезд отправлялся на Сестрорецк с Приморского вокзала через час. Зимой бегает один вагончик, больше пассажиров не набрать, но места свободные всяко найдутся. А вот времени – только-только, чтобы собраться и доехать. Сколько извозчик запросит, чтобы в такую метель тащиться на другой конец города через зимнюю переправу по Неве? Наверняка сдерет полтинник, разбойник…

Ванзаров все еще не мог отвыкнуть от привычки экономить на извозчиках: денег, выдаваемых на служебные разъезды в сыске, всегда не хватало, он доплачивал своими.

Прикинув, что с вероятной бедой успеет разобраться до вечера, или его клиенту будет уже все равно, он не стал беспокоить чемодан, а выбрал в платяном

шкафу свежую сорочку. Для зимы в магазине готового платья была куплена давняя мечта: дорожный костюм отличного английского твида. Конечно, братец Борис залился омерзительным смехом, увидев его в клетчатом наряде. Ванзарову твид нравился: тепло, мягко, уютно.

Он только застегнул пуговицу на манжете, когда колокольчик ожил. Кто бы это мог быть? Гости по утрам не ходят. Вдруг случилось маленькое чудо, и посыльный вздумал вернуться к самовару и чайнику. Чего не бывает перед Рождеством.

3

Записная книжка Г. П.

Помня ваше милое любопытство, дорогая Агата, как вы всегда старательно мучили меня расспросами и подробностями моей скучной службы, посчитал нужным сохранить для вас все подробности моего необычного путешествия. Представляю, как, заехав как-нибудь ко мне погостить, вы приметесь за эти записки и станете терзать меня своими вопросами, впрочем, всегда точными и умными, что делает вам честь.

Итак, наше полицейское управление получило вожделенный конверт. Мой начальник был так добр, что отказался от соблазна и вручил его мне с напутственным словом и долгожданным отпуском. Не могу сказать, что эта награда досталась мне незаслуженно. Вы знаете, милая Агата, что ваш покорный слуга имеет некоторые способности в полицейском сыске, и еще ни одному преступнику не удавалось провести меня, а тем более победить. Скромность – это важная добродетель, но порой она бывает излишней. В этом случае я посчитал, что могу избавить себя от мучений, предлагая счастливый билет своим сослуживцам, добившимся куда меньших успехов, чем я. Мой добрый начальник вдобавок наградил меня отпуском на месяц, что не так уж и много, если считать дорогу туда и обратно.

Собрав нехитрые пожитки путешественника, из которых особого присмотра требовал парадный мундир, в котором обязан быть на балу, я без особых приключений добрался до Берлина и там уже пересел на поезд до Петербурга.

Не буду утомлять вас, дорогая Агата, подробностями путешествия по железной дороге. К сожалению, мне нечего сказать. Весь путь от русско-германской границы – это монотонная перемена белых полей на черную ночь и обратно. Ничего, кроме занесенных по самую крышу полустанков, я не заметил. Уныние снега столь гнетуще, что я вынужден был опустошить походную фляжку коньяка. Начинаешь понимать русских, почему они так беспробудно пьют. Однако очерк нравов этой гигантской империи не входит в мои планы.

Наконец, после трех дней черно-белой дороги, поезд прибыл в столицу России. Вокзал показался мне отвечающим духу страны: огромный и неудобный. На перроне меня встретил милый молодой человек, плохо говоривший по-французски, но с хорошими манерами. Он отвез меня в гостиницу «Эрмитаж» и поселил в одном из лучших номеров. Должен быть справедливым: русская роскошь несколько оглушает. Но к ней быстро привыкаешь. Молодой человек обещал лично заехать в день бала и сопроводить меня во дворец, где должно произойти это волнующее событие. Такая забота о гостях делает честь русскому министерству полиции. Как видно, они хотят составить о себе лучшее мнение, чем бытующее о них в Европе.

Кроме вежливости, мой юный друг передал конверт с русскими рублями, которые назвал «суточным довольствием», пояснив, что иностранным гостям министерства полагается денежное вознаграждение за каждый день пребывания в столице. Это было чрезвычайно мило. Как вы знаете, дорогая Агата, я несколько стеснен в средствах, что заставляет вести экономный образ жизни. Теперь я смогу привезти домой небольшие русские сувениры.

Молодой чиновник, он назвал свой чин «коллежский исполнитель», напомнил, что бал через три дня, пожелал хорошо провести время и обещал навестить меня с утра в день торжества. От него я получил ценный совет держать в строгости местных извозчиков, которые, как он выразился, «дерут три шкуры» с иностранных гостей. Наконец я был предоставлен сам себе. Я намеревался прогуляться пешком, но снег и тьма были столь неукротимы, что мне пришлось изучать город из окна. К сожалению, кроме черноты, в нем не было ничего. Что тут поделать? Я отправился обедать в ресторан отеля. Обед вышел в целом недурен, если не считать некоторого кислого вкуса во всех русских блюдах.

Когда я возвращался в номер, ко мне обратился портье и сообщил, что меня ожидает дама. Я спросил, не ошибся ли он: знакомых в России у меня нет. Портье уверил, что дама ожидает именно меня. Скорее заинтригованный, я

заглянул в холл, уставленный пальмами не хуже ботанического сада. Дама была средних лет, довольно милая, одетая со вкусом, в пышной меховой накидке. Она казалась взволнованной. Я спросил, что ей угодно. Обратившись ко мне по имени, она стала умолять оказать ей помощь. У нее случилось несчастье, с которым она не может идти в полицию. Нельзя было не поверить, что дама находится в затруднении. Как истинный джентльмен, я считаю своим долгом помогать всем дамам, когда им требуется моя помощь.

Я спросил, почему она решила обратиться именно ко мне. Дама пояснила, что ее муж, служащий в министерстве полиции в высоком чине, отзывался обо мне с восторгом, как о лучшем сыщике Европы. Когда же она узнала от мужа, что я прибываю на бал, то решилась на отчаянный шаг. Не скрою, дорогая Агата, мне было лестно, что слава о моих скромных успехах достигла даже России. Дама принялась объяснять, что дело столь деликатное, что она не только не может попросить своего мужа, но и вообще обратиться в полицию. А частных сыщиков в России нет.

Услуга, о которой меня просили, заключалась в том, что у ее ближайшей подруги пропала ценная вещь. Круг подозреваемых узок, все они соберутся в одном месте. Мне надо поехать туда и найти пропавшую вещицу, которая наверняка будет у похитителя. За выполнение частного поручения дама немедленно предложила мне столь крупное вознаграждение, что я обязан был спросить: не лучше ли на эти деньги купить похожую вещь? Дама категорически возразила: пропавшая драгоценность – с историей, которую не купить ни за какие деньги. Она была столь настойчива, что вручила мне не только конверт с гонораром, выплаченным вперед, но и билет на поезд до какого-то городка с чудовищным названием «Ses-to-rie-tschki Ku-ro-rt». Дама уверяла, что мне с моим талантом потребуется от силы день или два, так что я вполне успею на бал. Я дал слово помочь несчастной. За что бы награжден жарким поцелуем. К счастью, в щеку. О, эти русские нравы!

Поезд отправлялся с утра. Верный своему долгу, я прибыл на вокзал, название которого не в состоянии не только выговорить, но даже написать. Что-то варварское: «стыр-дыр-рыр». Снег валил такой, что казался плотным туманом.

Вокзалом называлось шаткое деревянное строение, как на глухой станции где-нибудь в Эльзасе. Перрона не было. Вместо него пассажирам предлагался ледяной настил с топтаным снегом, на котором я еле удержался, чтобы не изобразить кульбит. Одинокий вагон в составе произвел особое впечатление.

Это убогая, узкая, неудобная коробка, по какому-то недоразумению перевозящая людей. Вагон первого класса оказался общим вагоном, в котором из всех удобств были сидячие диваны. Натоплено было столь жарко, что окна густо покрывала морозная наледь. Помня о слове джентльмена, я решил стерпеть все. Тем более гонорар во многом искупал мои мучения.

К отправлению я прибыл первым. Все-таки дисциплина – это то, что позволяет обыгрывать противника еще до того, как он об этом догадался. Для этого также нужны постоянная тренировка мозговых извилин и практика исследования характеров. Время предстоящего пути лучше всего потратить на изучение местных персонажей. Надеюсь, что русские все же мало отличаются от цивилизованных европейцев.

Я выбрал место, которое дало обзор на весь вагон. Надев пенсне, я занял руки газетой, чтобы наблюдения мои были незаметны. Первыми в вагон зашла семья во главе с господином в пальто с богатым меховым воротником. На вид ему было менее пятидесяти, выглядит благообразно. Здоровье его оставляет желать лучшего: он сильно подкашливал. На чахотку это не похоже, но все равно не люблю находиться с больными в закрытом помещении. С господином была женщина примерно его лет, скорее родственница, наверняка не жена. А также пожилая дама в чудовищной меховой накидке, словно целиком снятой шкуре медведя. Но вот дочь этого господина исключительно хороша. Строгость, даже некоторая суровость, не портила ее очаровательного лица. Я услышал, что отец обращается к ней: Марго. Она бросила на меня короткий взгляд, я вежливо поклонился, но она не сочла нужным ответить. Быть может, в России так принято.

После них в купе вошла семейная пара довольно моложавого вида. Дама была одета вульгарно и вызывающе, что же до ее мужа, это совершенно серый, невыразительный тип. За ними в вагон ворвался господин невысокого роста и чрезвычайно веселого нрава, вероятно, друг семейного господина. Присев рядом с дамами, он принялся балагурить по-русски, что, впрочем, оставило Марго равнодушной.

Далее в вагон прошел щуплый пожилой господин, прижимавший к груди обширную папку для бумаг. У нас такой тип выражает принадлежность к миру законников: адвокатам и нотариусам. Следом за ним пробрался довольно плотный мужчина в скромном костюме и зимнем пальто. Примечателен он тщательно выбритой головой и при этом обильной растительностью на лице. На

жилетке у него болталась цепочка, одним видом кричавшая о фальшивом золоте.

До отправления оставалось не более пяти минут, когда в вагон вошел, а скорее вплыл господин в распахнутой собольей шубе, под которой виднелся костюм французского портного, с перстнями на пальцах и брильянтовой заколкой в галстуке. За ним еле переставлял ноги под тяжестью чемоданов довольно юный камердинер. Надменный господин, ни на кого не глядя, занял два дивана, предоставил своему слуге снять с себя шубу и позаботиться об остальном. Скажу вам, дорогая Агата, нет ничего омерзительнее русского барства, дикого и надменного.

Паровоз дал гудок, когда торопливо вошел довольно плотный господин без вещей. Он быстро огляделся и выбрал самый дальний от меня диван, в противоположном конце вагона. Отличался густыми усами, я бы сказал, кошачьего вида, какие, вероятно, нравятся местным глупым барышням. У нас его персона вызвала бы скорее улыбки, чем уважение.

Вагон отчаянно дернулся, так, что я чуть не выронил пенсне, замер и стал двигаться. Визг колес был так силен, словно их не смазывали с самого рождения. Поезд уже набирал ход, когда к нему бросился моложавый господин в полушубке. Кондуктор открыл дверь, и господин лихо прыгнул на подножку. Лицо его раскраснелось, от него валил пар, как видно, он приложил все усилия, чтобы не опоздать. И это ему удалось. Найдя свободный диван, он сбросил полушубок и плюхнулся, все еще тяжело дыша.

За вагонным окном бушевала снежная мгла. Трудно понять, откуда в этой стране столько снега. Но эти размышления, удобные для уютной гостиной, здесь были неуместны. Я тщательно и неторопливо составлял для себя психологические портреты, стараясь замечать мельчайшие детали их поведения, и даже слова, смысл которых был мне непонятен.

Мне кажется, всех этих людей объединяет нечто большее, чем случайная встреча в зимнем вагоне. Тут явно что-то скрывается. Надеюсь, что мое умение делать выводы и видеть скрытое позволит определить похитителя и вернуть украденное. Если не случится чего-то еще. И хоть я не верю в предчувствие, как много раз говорил вам, дорогая Агата, но атмосфера этого ужасного вагона, буря за окном, духота и хмурые лица русских невольно подталкивали к мрачным размышлениям.

Я намечал линию своего поведения среди людей, вероятно, не говорящих по-французски, когда поезд замедлил ход, вздрогнул и остановился среди снежного ада…

4

Нежданный гость терпеливо ждал, когда ему позволят войти. Что само по себе было маленьким чудом, не говоря о появлении в такой час. Не обращая внимания на взгляд, не суливший хозяину ничего хорошего, Ванзаров придирчиво осматривал пальто, шляпу и ботинки.

– Для роста рогов у меня почвы не имеется, а крылья отрастить непозволительно, – заметил гость, все еще недопущенный в тепло дома. – Так что вы там ищете, Ванзаров?

В голосе его слышалось нешуточное раздражение.

– Аполлон Григорьевич, пешком шли?

– Прогулялся с Гороховой, – последовал ответ. – Погода чудесная, так и метет… Так я могу наконец…

– Значит, минут десять…

– Бегом даже к вам не побегу, бесценный друг. Знал бы, что так встретите…

– Снег засыпал, но вы его… Стряхнули в парадной…

– Поразительное открытие! Как вы догадались? Гениально…

– Человек, пришедший со снегопада, так и должен поступить…

– Эксперименты на мне ставите? Ну так я вам не…

Гость, повернувший к лестнице, был пойман за рукав и дал себя втянуть в квартиру. Подобное обращение он готов был стерпеть только от одного человека во всей вселенной и окрестностях.

Великий и ужасный Лебедев был не только гением криминалистики, что признавала вся Европа, но обладал самым страшным, мерзким, скандальным и вспыльчивым характером. Выходки которого терпеливо сносил Департамент полиции.

Обладая безграничными знаниями во всех отраслях научных методов раскрытия преступлений, Лебедев был не менее щедро награжден природой богатырским телом и бешеным нравом, не терпевшим дураков всех видов. Что ставило большинство чиновников департамента в безнадежное положение. Ходили легенды, как однажды он вырвал папиросу из губ начальника департамента, позволившего себе закурить на месте преступления, или про несчастного пристава, перечившего ему, за что тот оказался выброшенным в реку Мойку, неглубокую, но грязную. Начальство старалось лишний раз не беспокоить гения, а вот несчастным полицейским приставам, околоточным и городовым деваться было некуда: они вынуждены были вызывать криминалиста на место совершенного преступления. Служивым оставалось только молиться, чтобы пронесло нелегкую. Но часто не проносило.

К Ванзарову Лебедев испытывал трудно объяснимое логикой чувство восхищения умом и талантом. Между ними было не менее двадцати лет разницы, но в общении они держались сложноуловимого кодекса взаимного уважения. Лебедев сильно горевал, узнав первым, что Ванзаров подал в отставку, и заявил, что последняя надежда Департамента полиции превратиться из сборища идиотов в эффективное оружие борьбы с преступностью потеряна навсегда. Говорил об этом громко и при любом удобном случае. Ванзаров ни разу не посмел обеспокоить друга в своих частных практиках, даже когда это было чрезвычайно нужно. Он знал, что Аполлон Григорьевич будет поставлен перед трудным выбором: отказать другу нельзя, но и работать на сторону государственному чиновнику, статскому советнику, было неприлично. Тяжкий выбор – это не то, чем надо проверять мужскую дружбу. Лебедев никогда бы не признался, но в душе он был крайне признателен другу за такую чуткость.

Не прекратив одевания, Ванзаров демонстративно посмотрел на часы.

– На бал рано одеваться, – сказал Аполлон Григорьевич, кидая на стол серый министерский конверт. – Вот, подлизываются, приглашение велели передать…

– Благодарю, – ответил Ванзаров, заправляя сорочку. – В ресторан «Европейской» сегодня обедать не поеду. Никак не могу. Очень жаль. Вчера было чудесно.

Дружба порой требует взять грех на душу. Он не стал критиковать вчерашний обед, который превратился в лекцию о новейших достижениях криминалистки одного великого криминалиста, которыми требовалось восторгаться. Лебедеву порой нужен был сеанс детской лести. Водка и отличная кухня облегчали нелегкую задачу. Но меру надо знать…

– А куда это собрались? В такую погоду или нетрезвых барышень на «лихачах» катать, или в бане сидеть. Вы что выбрали?

– На денек съездить в Сестрорецк…

На лице Аполлона Григорьевича образовалось выражение, в котором удивлению не хватило границ.

– Опять?

– Довольно расплывчатый тезис, как я полагаю.

– Тезис! Фуф! В прошлый раз, года четыре назад, ваша поездка в Сестрорецк закончилась горой трупов и прочими радостями…?[4 - Об этом деле можно узнать из романа «Холодные сердца» того же Антона Чижа.] Жуткое место, аж дрожь пробирает… – Лебедев вальяжно повел плечами.

– Думаю, в этот раз обойдемся без трупов. В крайнем случае: один-два, не больше, – сказал Ванзаров, натягивая твидовый пиджак и стараясь не смотреть на гостя, примерно зная, чего от него ожидать.

Аполлон Григорьевич ожидания оправдал: высказался бурно и цветисто о мозгах тех, кто уходит в отставку по собственной дури и становится похож на английского туриста. За неимением времени и за прочими не менее важными

причинами Ванзаров на провокацию не поддался, но выводы сделал: там, в вершинах Департамента, настоятельно просили Лебедева намеком или напрямик убедить «его» вернуться. Что было в целом приятно.

– Да, кстати… – опомнился Лебедев. – Для чего мариновали меня на лестничной клетке?

– Был у меня утренний гость, который забыл, что настоящий посыльный старается стряхнуть снег сразу, как только входит в дом: растает, затечет за шиворот, а ему еще весь день бегать… Нелогичное поведение. Проверял на вас.

– Психологику свою драгоценную на безобидных вестовых оттачиваете?

– Психологика не требует заточки, она опасна, как бритва, – сказал Ванзаров, осторожно глядясь в зеркало. Что-то ему перестал нравиться этот удобный клетчатый костюм… Не так как-то он в нем выглядит, солидности той не хватает. Но времени переодеваться нет.

– А что принес подозрительный тип?

Ванзаров протянул сложенный лист, который уже устроился в боковом кармане мягкого и удобного пиджака в клетку.

Аполлон Григорьевич изучил послание и не выразил глубоких чувств.

– Выгодное дельце? – только спросил он. – Да и так ясно, что выгодное. Раз потащились в такую погоду в адские недра Сестрорецка…

– То есть ничего необычного вам в глаза не бросилось, – Ванзаров откровенно взглянул на карманные часы, делая совсем прозрачный намек. Лебедев ничего не заметил.

– Почерк каллиграфический, каждая буква выведена как рукой художника…

– Характер даже вы не сможете определить.

Лебедев замялся, словно не хотел вступать на шаткую дорожку.

– Шанс ошибки велик, – сообщил он.

– Благодарю, совершенно согласен. Это все?

– Бумага дорогая… Да ну вас! А что нам скажет острейшая госпожа психологика?

При всем научном складе ума Лебедев испытывал трудно объяснимую ревность к методу, который Ванзаров начал испытывать давно, но рассказал об этом только близкому другу. О чем не раз уже пожалел. Суть метода была простая и понятная: выводить логику поступков из логики характера человека. Несмотря на то что психологика изобличила не одного злодея, когда Ванзаров служил в сыскной полиции, да и частной практике без нее было как без рук, Лебедев упорно не признавал метод, считал его не методом вовсе, а лженаукой и при любом удобном и неудобном случае высказывал другу все, что думает. Ревность, что тут поделать…

– Она задаст как минимум три вопроса о трех странных фактах, – сказал Ванзаров, отправляясь в прихожую.

– Три? – в сомнении повторил Лебедев. – Пропустите один – отберу приглашение.

– Во-первых, человек в состоянии, близком к панике, пишет ровным, спокойным каллиграфическим почерком…

Аполлон Григорьевич признал, что этот вопрос нельзя просто так отбросить.

– Дальше! – потребовал он.

– Если у автора письма каллиграфический почерк, он или опытный письмоводитель, или художник. Откуда у него круг знакомых среди… ну, неважно кого, и безграничные финансовые средства.

– Еще что?

– Самое простое: не показалось странным, что некий господин просит спасти его, при этом не упоминает своего имени. Кого я должен спасти от смерти?

– Вы знаете автора записки?

– Он полагает, что его я знаю…

– Зачем же едете?

– Любопытство – мой порок. Не могу спать, пока не узнаю ответы…

Аполлон Григорьевич накинул на плечи могучее пальто.

– Ладно, убедили, пошли ловить извозчика…

Это было истинное чудо. Великий криминалист славился тем, что умел раздобыть пролетку в любое время и в любом месте столицы. Как ему это удавалось, было самой большой тайной, на которую чиновники департамента держали пари. Ванзаров и сам не мог найти логичного объяснения маленькому чуду: стоило Лебедеву свистнуть, как из-под земли являлся извозчик. Так и случилось. После могучего посвиста из снежной мглы выехал извозчик и даже сторговался на божескую цену.

– Вы там осторожней… – хмуро сказал Лебедев, хоть и не добавил: «без меня». – Не геройствуйте. Глупо погибать за деньги. То ли дело на службе…

– Не собираюсь погибать, меня на бал пригласили, – ответил Ванзаров. – Да и то надеюсь, к утру вернусь.

– Если не вернетесь, приеду спасать, – сказал Аполлон Григорьевич, крепко пожимая ладонь Ванзарова. – Ох, не к добру это…

Криминалист смотрел вслед пролетке, пока не растаял в снежной круговерти. Ванзаров плотнее закрылся одеялом и подумал, что напрасно пренебрегает оружием. «Браунинг» в кармане – не лишний при поездке в неизвестность.

5

Разыскной рапорт № 1

Ваше превосходительство!

Применяя тактику, описанную мне при получении данного задания, приступаю к составлению подробных рапортов, с описанием любых деталей, а также фактов, а также личных наблюдений, могущих быть полезными для проводимого розыска. Основная поставленная мне задача заключается в проведении наблюдения за объектом, которому была присвоена оперативная кличка Джокер. В связи с выбытием прежнего агента объект был принят мною без необходимой подготовки, с ходу. О последних наблюдениях могу сообщить следующее.

За последнюю неделю Джокер поменял более трех гостиниц. В новоизбранной он проживает не более двух суток, после чего непременно съезжает в другую. Причину такого непостоянства выявить пока не удалось. Распорядок дня его имеет привычный уклад. Утром он завтракает в ресторане отеля проживания, после чего отправляется на прогулку по городу, где я вынужден постоянно вести за ним наблюдение. Надо сказать, что объект не занимается ничем, то есть не имеет никаких встреч, а чаще всего проводит время в дорогих магазинах Пассажа и Гостиного Двора. Выбор покупок его достаточно широк, чтобы привести его полностью. После прогулки Джокер возвращается часам к семи в гостиницу, где обедает в частном кабинете, насколько я могу судить, всегда в одиночестве. После обеда он отправляется в номер и уже не выходит, насколько мне удалось установить. Шанса ознакомиться с его вещами у меня пока не было.

Вечером декабря 22-го Джокер вновь переехал, на сей раз в гостиницу «Европейская», где привычно отправился на ужин в ресторане гостиницы. Им был снят отдельный кабинет. Был ли в нем Джокер один, установить не удалось. После продолжительного наблюдения в занимаемой позиции за столиком ресторана, с которого просматривалась дверь кабинета, было установлено, что кабинет пуст и наблюдаемый объект покинул его ранее, очевидно, воспользовавшись другим выходом. Номер, в котором он остановился, мне удалось выяснить после некоторого разговора с портье. Вообще должен отметить мою способность к общению с простыми людьми, у которых я вызываю особую доверительность. Портье был указан номер на втором этаже. Выбрав

момент, когда коридор был пуст, я осмотрел номер в замочную скважину. Дополнительные детали установить не удалось по причине ключа в замочной скважине.

Мною было принято решение снять соседний номер, чтобы не выпускать объект из поля наблюдения. Номер на ночь обошелся мне в пять рублей, о чем прилагаю квитанцию. На ночь я оставил дверь незакрытой, чтобы постоянно держать под наблюдением номер объекта. До пяти утра Джокер вел себя покойно, из его номера не раздавалось шума, он не требовал чаю или прочих гостиничных развлечений. Половой, остановленный мною, после душевного разговора признался, что номер сей не обслуживает, у господина свой слуга имеется.

Около шести утра по причине усталости я погрузился в чуткий сон, чтобы немного набраться сил перед предстоящим днем. Около девяти утра я был разбужен шумом: половой делал уборку в номере. Я хотел воспользоваться шансом, чтобы осмотреть его вещи, но оказалось, что господин со слугой уже с полчаса как уехали. Направление их поездки портье было неизвестно. Путем доброжелательного разговора с половым удалось выяснить, что постоялец, вероятнее всего, отбыл на Приморский вокзал. Так слышал половой.

Практически в безнадежной ситуации мне удалось отыскать извозчика и за три рубля домчаться до вокзала, когда паровоз уже дал гудок на отправление. Покупать билеты в кассе не было никакой возможности. На отходящий поезд я запрыгнул уже на подножку, заплатив проводнику рубль. После чего вошел в вагон.

В вагоне находилось довольно много пассажиров. Мой объект наблюдения расположился в самом дальнем от меня конце вагона. Предполагаю, что среди присутствующих может находиться его сообщник. Опишу пассажиров по мере их расположения. В наличии имеется: приземистый старичок со старинным портфелем для бумаг, в котором можно разместить что угодно. Далее: господин с бритым налысо черепом и обширной бородой исключительно кроткого вида. Далее: семейная пара с очень милой дамой, которая строила мне глазки. После них: семейный табор, состоящий из главы семейства, пожилой дамы, дамы в летах и очаровательного юного создания, от которого трудно отвести глаз. Также рядом с ними вертелся молодящийся господин развязного нрава. Напротив меня сидел довольно плотный мужчина в английском дорожном костюме. Узнал его по исключительно вызывающим усам, однако к делу, скорее всего, отношения он не имеет. Наибольшую подозрительность у меня вызвал

невысокий полный господин. По виду – иностранец. Невысокий, округлый, с мелкими усиками-стрелочками, при этом взгляд цепкий, подозрительный, разбойный. Характеризую его крайне подозрительной личностью.

Подозрения мои усилило то обстоятельство, что этот коротышка обменялся несколькими многозначительными взглядами с Джокером, что не укрылось от моего внимания. Располагаясь ближе всего к семейному господину и его веселому спутнику, я смог разобрать тему их разговора. Речь шла о предстоящем турнире, на который оба господина, как было понятно, отправлялись. Это обстоятельство заставило меня по-новому взглянуть на них и их спутниц. Нельзя исключить, что они далеко не мирные и законопослушные обыватели. В бытностью мою на службе нагляделся подобных субъектов достаточно. Полагаю, что наличие этих лиц в одном вагоне с Джокером не может быть случайным, но, какова их истинная роль, предстоит выяснить.

Я полагал, что дорога займет не более часа, однако ближе к концу пути случилось происшествие, которого невозможно было ожидать.

Отдельного жандармского корпуса ротмистр (в отставке) Францевич

6

Новый пассажир вошел в вагон и, тщательно выбирая место, прошелся по узкому проходу меж диванчиков до самого конца. Его появление, безусловно, не осталось незамеченным. Каждый, мимо кого он пробирался, оценивал его фигуру и наряд, видневшийся под распахнутым пальто. Пассажир без багажа, что для пригородного поезда не такая уж диковинка зимой, когда нет дачной обузы с продуктами и кульками, вызвал некоторый интерес у дам и полное равнодушие у мужчин: случайный незнакомец, на вежливую улыбку которого можно не отвечать.

Никто не подал вида, что знает или узнает Ванзарова. Он придирчиво следил за мельчайшими движениями мимики и глаз, которые могли говорить о многом и разном, тщательно собранными в копилке психологики. Но вынужден был

признать, что никакой реакции его развязанное поведение не вызвало. Кажется, одна дама средних лет, крикливо одетая, сочла, что этот крепыш навеселе, и что-то такое шепнула на уху мужу.

Идея была изящной, но ошибочной: если Ванзарова просили добраться именно поездом, причем единственным в этот день, тому была веская причина. Самая логичная и простая: автор письма должен был ехать в этом вагоне. Трудно предположить, что человек в опасности кинется на шею своему защитнику прилюдно. Скорее всего, он подаст незаметный знак, как-то обозначив себя. Ничего похожего не случилось. Что тоже любопытно. Или адресат дожидается на месте, или спасение опоздало. Был еще теоретический шанс, что жертва заметила убийцу, который тоже рядом, потому вынуждена затаиться. Но это казалось слишком романтичным.

Скорее всего, автора в вагоне не было. Наличные пассажиры ехали, кажется, исключительно по своим скучным делам. Все же одного из них Ванзаров узнал. То, что он оказался в зимнем вагоне, было несколько странным. Господин этот, по роду своей деятельности, предпочитал вообще не покидать контору, в которой просиживал не хуже улитки в ракушке. Причиной тому была нелюбовь к перемене мест или вообще непереносимость суеты. Что для нотариуса Игнатьева было лишним украшением и без того безупречной репутации.

Ванзаров по-приятельски кивнул ему и нацелился на соседний диванчик, чтобы провести дорогу в милой болтовне. Игнатьев насупился, отвернулся к окну, всем видом показывая, что не желает знаться. Получить такую благодарность от человека, которому оказывал мелкие услуги, было неприятно. Но и делать скандал ни к чему. Ванзаров вернулся к тамбуру и устроился в углу.

Вагончик пригородного поезда не отличался комфортом. Даже в первом классе, для чистой публики, сидячие места не разделялись перегородками купе. Что в данной ситуации было чрезвычайно удобно. Можно было наблюдать сколько пожелаешь, в который раз пробуя психологику на прочность.

За окном бушевала вьюга. Снегопад разошелся не на шутку. Поезд тронулся, как обычно, с некоторым усилием и старательно принялся крутить колесами.

К вагону метнулся опоздавший и запрыгнул на подножку на ходу. Сунул благодарность в кулак проводника и плюхнулся на сиденье. Отдышаться ему

было трудно, хоть и распахнул овчинный полушубок. Лицо его раскраснелось. Узнать отдаленно знакомую личность не составило труда.

Ванзаров не сталкивался с ним по службе напрямую, но виделся на больших приемах в Министерстве внутренних дел, к которому относились и корпус жандармов, и охранное отделение. В одном из коих числился по штату, а в другом – исправно служил этот бодрый господин. Понять смысл запутанной иерархии чинов и мест службы мог только российский чиновник, с малолетства отдавший свою любовь государственной карьере. Что к Ванзарову не имело никакого отношения. Зато он помнил, как господин этот щеголял в парадном мундире с аксельбантами и мило раскланивался тогда с чиновником сыска. Теперь же предпочел скользнуть взглядом и весь интерес отдать барышне напротив.

Основной принцип психологики, выученный на горьком опыте и насмешках Лебедева, гласил: выводы надо делать не спеша, когда для этого будет конкретный повод. Наличие в вагоне нотариуса и засекреченного жандарма не говорило еще ни о чем. Вернее, поле вариантов было так обширно, что лучше не тратить на него силы. Ванзаров согласился, что куда полезнее убить время, подмечая черты поведения тех, кто трясся по замороженным рельсам. Эта тихая игра была лучшей тренировкой фокуса «я знаю про тебя все», который неотразимо действовал на доверчивых барышень.

Люди были незнакомы, кто они и зачем оказались в вагоне – тоже неизвестно. На этом чистом листе можно было писать что угодно.

Полноватый коротыш в дальнем конце вагона с отточенными стрелочками усов казался чрезвычайно интересной личностью, в которой можно было покопаться. Его сосед напротив, занявший собой два дивана и еще два – под чемодан, камердинера и бесценную шубу, напрашивался под скорые выводы, но с ними спешить не следовало. Семейная пара, одетая во все новое, включая меховую накидку супруги, была примитивным, а потому трудным орешком. Зато импозантный господин с бритой головой и густой бородищей так и просился навесить на него ярлык, что-то вроде: «купец на каникулах».

Куда сложнее прощупать балагурящего господина в яркой жилетке, который то и дело вскакивал и приседал, словно ему не давала покоя заведенная пружина. А вот семья из трех женщин и одного мужчины казалась чрезвычайно аппетитным блюдом. Ванзаров принялся за него всерьез. Особенно за барышню.

Когда же ее взгляд мимоходом задержался на нем, внутри ванзаровского сердца нечто щелкнуло, что всегда бывало сигналом к очередной потере головы. Допустить это в условиях экстренной командировки и непогоды за окном было непозволительной роскошью. Ванзаров постарался увести луч психологики подальше от барышни. Пусть себе едет с миром.

Перестук колес рвал разговоры пассажиров, но обрывки долетали. Он разобрал, что барышню звали Марго и вскоре ее день рождения, к шумному господину обращались просто по фамилии – Навлоцкий, он называл главу семейства на «ты» и Веронин, а к почтенной старушке, превшей под шубой, обращались исключительно «Лилия Карловна». Семейная пара шушукалась и чему-то радовалась. Господин с бородой мирно дремал, а персона с камердинером не считала нужным опускаться до общения с простыми смертными. Обычная дорожная скука. Одна надежда, что опасность умеет затаиться, натянув личину серой обыденности.

Поезд, пробиравшийся сквозь снежные хлопья все медленней, тяжко остановился, вздрогнул и замер окончательно. Пассажиры стали выглядывать в окна.

В белом молоке охапки крупного снега летели косыми стрелами. На миг привиделось, что поезд сбился с пути, очутился в неведомом мире, на волшебном острове посреди пустоты и вечности, где нет ни земли, ни неба, ни времени, ни пространства, а только белая бесконечность. Эта пустота была до рождения времени и будет после него. Человек в ней лишь мелкая соринка, по ошибке заброшенная, чтобы вечно падать и падать неведомо для чего и куда. Кувырками своими и попытками уцелеть, веселя вселенскую бессердечную пустоту, которой нет дела ни до чего. Пустота эта пожрет всех и все без остатка, растворит в себе и обратит в пустоту, которой не будет ни конца, ни края, ни дна. Ледяная вечность, серая и бескрайняя, заглядывала в окна пустыми глазницами.

Ветер протяжно выл. Мигнули вагонные фонари и погасли. В открытую дверь вагона налетел холод и жадно кинулся на теплые жертвы. Дамы сразу озябли. Мужчины запахнули пиджаки.

А Ванзаров оценил преимущество английского твида: ему было хоть бы что. В таком костюмчике он готов был заглянуть в глаза белой даме прямо сейчас или когда она пожелает. Впрочем, как и всегда. Встречались они не раз. Друг к

другу накопились давние счеты. Бой не окончен. Опять кто-то начнет первым. Ванзаров предпочел бы опередить, но как воспитанный человек и некоторым образом джентльмен готов был уступить право первенства. Вот только белая соперница не считалась с правилами.

Материалы

для господ, желающих выступать в самодеятельном театре

Сценка из комедии «БУРЯ» Вильяма Шекспира

(перевод Николая Сатина, 1846 год, в сибирской ссылке)

ПРОСПЕРО

Явись сюда, явись, слуга мой в?рный,

Мой Аріэль! Приблизься – я готовъ!

Является АРІЭЛЬ

АРІЭЛЬ?[5 - Дух воздуха.]

Я предъ тобой, могучій повелитель!

Ученый мужъ, прив?тствую тебя!

Готовъ всегда свершать твои желанья.

Велишь ли ты лет?ть мн? или плыть.

Велишь ли ты мн? погрузиться въ пламя

Или нестись верхомъ на облакахъ —

Во всемъ теб? послушенъ Аріэль,

А съ нимъ и вс? способности его.

ПРОСПЕРО

Такъ точно ли ты бурю произвелъ,

Какъ я теб? приказывалъ сегодня?

АРІЭЛЬ

Все сд?лано какъ повел?лъ Просперо.

Я на корабль Алонзо вдругъ напалъ;

То тамъ, то зд?сь, на палуб?, въ каютахъ

Я зажигалъ отчаянье и страхъ,

По временамъ д?лился самъ на части

И падалъ вдругъ на многія м?ста;

На стеньги, марсъ, на реи, на бугспритъ,

Нежданное бросалъ я пламя врознь,

Потомъ его въ одно соединялъ я —

И молнія, предв?стница громовъ,

Не такъ быстра, какъ я былъ въ это время.

Казалося, Нептунъ былъ осажденъ

На этотъ часъ огнемъ ревущей с?ры,

И самъ его трезубецъ трепеталъ,

И въ ужас? его вздымались волны.

ПРОСПЕРО

Мой храбрый духъ, спасибо!

Былъ ли тамъ

Хотя одинъ довольно твердый духомъ,

Чтобъ б?дный свой разсудокъ уберечь?

АРІЭЛЬ

Н?тъ, ни души: трясла вс?хъ лихорадка

Безумія, вс?хъ ужасъ оковалъ.

На корабл? остались лишь матросы,

А прочіе, отъ моего огня,

Изъ корабля вс? бросилися въ море.

Сынъ короля Алонзо, Фердинандъ,

С торчащими отъ страха волосами,

Похожими скор?е на камышъ,

Былъ первый тамъ и закричалъ, бросаясь:

«Адъ опуст?лъ – и дьяволы вс? зд?сь!»

ПРОСПЕРО

Ты свершилъ прекрасно порученье,

Но много д?лъ намъ предстоитъ еще.

Который часъ?

АРІЭЛЬ

Ужъ перешло за полдень.

ПРОСПЕРО

Такъ, склянки на дв?… До шести часовъ

Нам времени осталося немного.

Съ разсчетомъ мы употребимъ его.

АРІЭЛЬ

Какъ, мн? еще работа предстоитъ?

Когда меня такъ много утруждаешь,

Позволь хотя напомнить зд?сь теб?,

Что позабылъ сдержать ты об?щанье.

ПРОСПЕРО

Что тамъ такое? Своенравный духъ,

Что требовать еще ты зат?ваешь?

АРІЭЛЬ

Свободу.

ПРОСПЕРО

Ба! И говорить не см?й,

Пока твое не совершится время!

АРІЭЛЬ

Прошу тебя, припомни: оказалъ

В?дь я теб? ужъ всякую услугу.

Я никогда передъ тобой не лгалъ,

Служилъ безъ ропота и жалобъ

И въ промахи ни разу не попалъ.

Ты об?щалъ свободу годомъ раньше.

ПРОСПЕРО

Такъ ты забылъ, ч?мъ ты обязанъ мн?,

Что я тебя избавилъ отъ мученій?

АРІЭЛЬ

Н?тъ.

ПРОСПЕРО

Ты забылъ и счелъ за важный трудъ,

Что ты склользишь по брызгамъ океана,

Что носишься на с?верныхъ в?трахъ,

Иль въ глубь земли, служа мн?, проникаешь,

Когда ее окостенитъ морозъ?

АРІЭЛЬ

О, я готовъ служить, мой повелитель!

ПРОСПЕРО

Но если я услышу вновь твой ропотъ

Противъ меня, то раздвою я дубъ,

И тамъ въ его узлистой сердцевин?

Оставлю выть тебя дв?надцать зимъ.

АРІЭЛЬ

Я виноватъ: прости, мой повелитель:

Готовъ повиноваться и смиренно

Я исполнять обязанности духа.

ПРОСПЕРО

Вотъ д?лай такъ – и чрезъ два дня свободу

Теб? я дамъ.

АРІЭЛЬ

Готовъ, мой повелитель!

Скажи скор?й, что долженъ д?лать я?

ПРОСПЕРО

Преобразись – поди – въ морскую нимфу,

Будь видимъ лишь для одного меня

И невидимъ для всякаго другого…

7

По обе стороны железной дороги стоял сосновый лес, погребенный под снегом до самых макушек. Быстро темнело. Вьюга и не думала стихать.

Проводник, белый, будто вывалялся в сугробе, вернулся скоро и доложил «приятную» новость: на пути образовалась снеговая пробка, легкому паровозу одолеть затор не под силу. Ждать бесполезно, вытащат вагон не раньше

завтрашнего утра. Да и то потянут маневровым назад, в Петербург. Машинист прощения у господ просит, но поделать ничего не может, у котла силенок не хватает, да и снега такого лично он не припомнит, хоть служит лет двадцать, почитай. Господам пассажирам предлагается сойти вот прямо здесь.

Предложение вызвало взрыв возмущения. Дамы выражали глубокое возмущение порядками, царящими на железной дороге, обещали жаловаться. Господа не отставали, тоже обещая жаловаться, но еще и «разобраться с бездельниками». Проводник терпеливо сносил накаты гнева и только осматривал ботинки с налипшим снегом. Кричать можно сколько угодно, пробка от этого не растает. Застряли так застряли, что ж тут поделать.

Ванзаров прикинул, что его костюм, конечно, выдержит экспедицию по снегу, но вот с обувью придется распрощаться. Добраться до «Курорта» по сугробам – развлечение не рядовое. Но и вернуться по шпалам не имеет права. Если взялся, то надо идти до конца. И деньги тут ни при чем. Он стал присматривать, кто готов составить ему компанию, но желающих брести по горло в снегу что-то не нашлось. Три дамы как одна заявили, что с места не сдвинутся. Марго не приняла участия в этой забастовке, отстраненно глядя в окно. Зато отличились другие.

Господин Навлоцкий грозно махал пальцем перед носом мирного проводника, угрожая связями и влиятельными знакомствами. Муж крикливо одетой дамы говорил речь о безобразиях, царящих в общественных перевозках. Отец семейства был возмущен, но кашель мешал ему добавить огонька в скандал. Нотариус Игнатьев вжался в диванчик, будто его жизни угрожала нешуточная опасность. Господин с бородой растерянно улыбался и только повторял: «Да как же так, да разве можно так с нами…» Владелец песцовой шубы презрительно скривился и отвернулся, приказав растерянному камердинеру выпутываться как хочет. Толстячок в дальнем конце вагона с трудом понимал, что происходит, почему поезд стоит посреди белой тьмы и отчего такой гвалт. А вот господин в полушубке, кажется, не испытывал волнения. Напротив, он с интересом поглядывал на скандал, старательно не встречаясь взглядом с Ванзаровым.

Ждать и надеяться на чудо нельзя. Зимние сумерки сгущались с каждой минутой, добираться в темноте по сугробам будет куда опасней. Ванзаров еще раз убедился, что мирные граждане скорее разорвут на клочки проводника, чем сделают шаг к спасению, и вышел в тамбур. Снега намело широким клином. Ванзаров спрыгнул на насыпь и сразу провалился по щиколотку. Дальше будет

не лучше. Он огляделся.

Вагон стоял как раз невдалеке от лесной просеки. Судя по направлению, она вела прямиком к «Курорту». Это был путь к спасению. Без преувеличения – чудесному. По просеке приближался целый кортеж саней, бренча бубенчиками. Появление извозчика в столице, когда он нужен, можно считать чудом. А явление целого эскадрона саней в глухом лесу посреди снегопада… Научного объяснения такого феномену не имелось. Будь тут репортер «Листка»?[6 - Ежедневная газета «Санкт-Петербургский листок».], наверняка настрочил бы передовицу о сенсации.

Между тем сани выехали из леса и встали семь в рядок. Бойкий извозчик крикнул, что господа могут садиться, коли изволят. Ванзаров спросил: откуда они появились? Кто успел сообщить? На что извозчик уклончиво ответил: «Послали!» Не иначе эскадрон сестрорецких извозчиков получил выгодный заказ.

Ванзарову потребовалось усилие голоса, чтобы успокоить вконец взволнованных пассажиров, указав на спасительные сани, смутно видневшиеся в окне. Когда до уважаемых господ наконец дошло, что их спасут из застрявшего поезда, случилось то, что и всегда случается на железной дороге: суматоха покидания вагона. Дамы и господа умудрились устроить давку, старясь первыми занять места в санях. Особенно в этом преуспели господин Навлоцкий и семейная пара. Из почтенного семейства Марго вышла последней, Ванзаров подал ей руку. Она приняла его помощь и спрыгнула на землю. Благодарность ее была строга и молчалива. Но и этого было достаточно. При прикосновении мягкой ладони Ванзарова пробил электрический удар.

Господа рассаживались торопливо, закрываясь от снега широкими накидками. Отец семейства разместился с пожилой дамой, Марго и ее родственница сели в другие сани. Извозчики трогали сразу, уезжая от ветра и метели. За первыми двинулись сани семейной пары, за ними унеслись нотариус Игнатьев и господин Навлоцкий. Господин в собольей шубе задержался только на погрузку чемоданов, занявших все свободное место так, что камердинеру пришлось ехать в санях с бородатым господином, как видно, демократических взглядов. Знакомый Ванзарова и толстяк с усиками, который умудрился надеть ботинки с тонкой подошвой, уехали последними.

Никто не предложил места Ванзарову. А просить он не стал. Позади – вагон с проводником, тихо ругавшимся под нос, впереди – лесная просека с санным путем. Что ж, хоть не собьется с дороги. Конечно, можно было надеяться, что самый жадный извозчик вернется за позабытым пассажиром. Но чудеса, как известно, случаются только раз. Ванзаров спросил: сколько тут до «Курорта». На что проводник злобно пробурчал, что мерить расстояния в его обязанность не входит, но полагает, что немного. Версты три-четыре, ну от силы пять. И уж всяко не больше шести. В крайнем случае – семь. Так что путь недальний. Одолеть его предстояло в темноте. Фонари в лесу еще не придуманы.

Долетел звон бубенцов. Этот звук казался обманом слуха, но слышался все верней. Пока из леса не выскочили самые настоящие сани. Извозчик, стряхнув запорошенные усы, крикнул: «А хто тут гаспадин Вазаров будет?» Хотя выбор из проводника и господина в пальто был не так уж велик. Чтобы не смущать посланца волшебника – по-другому появление извозчика объяснить было невозможно, – Ванзаров предложил проводнику место, от чего тот отказался, и с чистой душой залез под теплое одеяло, напоминавшее заснеженную лужайку.

– Прощения просим, задержамшись, кобыла завязла, – сказал извозчик, поворотясь к седоку и натягивая варежку. – Не печальтесь, барин, мигом доставим…

Ванзаров попросил не спешить и ехать как можно медленней. За неторопливый ход обещал дать на чай.

– Не требуется! – извозчик хмыкнул. – За все заплочено, мы не питерские, лишнего не берем. Все по чести, значит…

– Кто же тебя нанял, любезный?

– Так это, как полагается: в «Курорте». Дело обычное: летом пассажиров на станции встречаем, на колесах, значит, а зимой какие колеса, на полозьях бы проехать. Ишь, сколько навалило…

– Значит, тебя прямо за мной подрядили?

– А то как же. Сказано: встречай гаспадина Вазарова… Я выехал, а тут такая неудача вышла. Подвела кобылка, ну ничего…

– Так кто тебе это сказал?

– Да в «Курорте», говорю же. Нас как наняли, артельщик мой и говорит: встретишь, значит, етого гаспадина… Как положено. Незадача вышла. Так что, барин, трогаем?

Ванзаров не возражал.

Сани шли медленно. Извозчик терпел и не подгонял, только часто стряхивал со спины налипающие холмики. В лесу ветра не было. Снег падал крупными хлопьями. Сползала темнота. Ванзаров полулежал в санях, деревья уже смутно угадывались, смешиваясь с пургой. И казалось, что едет он не по лесной дороге, а спускается по черному лабиринту в глубины пещеры, где прячется хищный Минотавр, питающийся человеческим мясом. Чего ни привидится под вечер в лесу. Снег мысли путает.

8

Записная книжка Г. П.

Только представьте, дорогая Агата, что пригородный поезд может просто встать посреди заснеженного поля и пассажирам будет приказано добираться как им вздумается. Замечу: посреди яростной метели. Но в России это – в порядке вещей.

Проводник доложил, что впереди занос, поезд не может двигаться и будьте любезны покинуть вагон. Разумеется, все взбунтовались. Произошел омерзительный скандал, несчастного проводника чуть не пристрелили, я видел, как ему угрожали ножом. Не знаю, чем бы кончилась эта удручающая сцена, если бы не случилось маленькое чудо, на которое так щедра эта страна.

Из леса, как в доброй сказке, вдруг выехала целая вереница низких экипажей на полозьях, которые здесь называются «sani». Нам было предложено добраться до цели моего путешествия подобным экзотическим способом. Но это все равно лучше, чем замерзать в вагоне посреди дремучего леса. Полагаю, в России годы

бедствий воспитали недурную традицию посылать к застрявшему в сугробах поезду спасательную экспедицию.

В экипаже место было для двоих. И хоть я предпочитаю ездить один, но обстоятельства заставили быть джентльменом. Ко мне уселся господин в коротком полушубке и сразу стал навязывать свое знакомство. Деваться мне было некуда. Я представился, впрочем, умолчав о месте службы. Мой спутник сообщил, что он тоже скромный обыватель. Хоть фамилия у него Францевич, по-французски он изъясняется чудовищно. Только моя вежливость не позволила сделать ему замечание. Я не мог не заметить у него под полой кобуру с револьвером. Этот факт в сочетании с общим подтянутым видом господина говорит мне, что «просто обыватель» на самом деле является офицером русской тайной полиции, о зверствах которой мы столько наслышаны. Это важное обстоятельство заставляет меня быть осторожным. Но лучше уж встречать опасность с открытыми глазами. Теперь я лично убедился, что в России агенты тайной полиции на каждом шагу.

Дорога была необычной. Мы неслись по лесу так, что в ушах ветер свистел. Или это выли волки. Под огромным покрывалом, защищавшим от снега, было тепло. Вскоре лес кончился, и я увидел тот самый «Курорт», о котором столько трубят. Русские хотят уверить нас, что это – Северная Ривьера. Но до Ривьеры этому месту далеко, как до луны. Главное здание санатория – курзал – представляет собой огромный, безвкусный купол, от которого раскинулись два корпуса. Пляжа под снегом не видно. Он буквально сливается с заливом в одно неразличимое белое пятно. Возможно, летом природа берет свое, но сейчас место это выглядит не менее диким, чем Северный полюс.

Нас встретил доктор с ужасающей фамилией. Он пояснил, что зимой «Курорт» фактически не работает, не сезон. Многие помещения закрыты. Но для приехавших гостей будет сделано исключение, и они ни в чем не будут нуждаться. Питание будет организовано в столовой, расположенной в левом крыле курзала. А проводить время можно в соседних помещениях: бильярдной, гостиной, курительной и читальне. Прислуги осталось немного, но доктор обещал, что это не скажется на комфорте нашего проживания. В чем я искренно сомневаюсь. Из-за зимнего периода жить можно только в корпусе, называемом «Морской пансионат». Его достоинство только в том, что он в двух шагах от эспланады курзала. То есть прогулки по снегу будут минимальны. Должен сознаться, дорогая Агата, что я допустил оплошность и надел бальные туфли. О чем сильно сожалею. Однако, помня, зачем я здесь, такое неудобство

несущественно.

Я наконец смог отделаться от липкого господина Францевича и закрылся в своем номере. К некоторому удивлению, я нашел в нем все, к чему привык в своей жизни. Не забыты даже мои любимые папиросы. Но не об этом речь. Выйдя из номера, я обнаружил, что все пассажиры несчастного поезда расселились в бельэтаже и на первом этаже. Мне остается только разузнать о других постояльцах, чтобы начать розыски того, что мне поручено.

В этом деле меня тревожит не только неизвестность, но некоторая странность моего положения. Оказаться в чужой стране в роли частного сыщика – дело неблагодарное. И все же мне кажется, что усилия мои принесут результат. Если преступник ехал со мной в вагоне, что я вполне могу допустить, то все эти персонажи мною изучены досконально и расставлены в порядке вероятности. Новые лица, которые, несомненно, окажутся здесь, будут изучены не менее придирчиво. Действительно, я сильно ограничен во времени. Мне надо разгадать загадку от силы за два дня, чтобы успеть вернуться в столицу на бал, где, как я понял, меня ожидает вознаграждение. Надеюсь, к этому времени дорогу расчистят от снега. Для меня будет страшным ударом, если обнаружится, что здесь принято дожидаться, когда снег растает сам собой. Хотя в России можно ожидать всего.

Сделав первый осмотр курзала, я обнаружил, что в нем довольно холодно и неуютно. Но, кажется, от холода страдаю только я. Господа, собравшиеся на ланч, будто не замечали низкой температуры. Только сейчас я понял, что так смущало меня в вагоне. И это касается прекрасной Марго…

9

Сани подкатили к боковому входу в курзал.

– По зиме у них тут всё в одном… Лишнего топить не хотят, что ж, дело разумное, – сказал извозчик, откидывая одеяло, чем поднял миниатюрную метель. – Приехали, значит, барин…

Ванзаров поблагодарил за мягкую дорогу и вошел в величественное строение, которое газеты беззастенчиво называли «гордостью современной архитектуры». С мороза показалось тепло, но далеко не жарко. Уголь действительно экономили.

За конторкой стоял господин среднего роста в длиннополом сюртуке. Шею его подвязывал аккуратный галстук, а нос украшало золоченое пенсне. Он просматривал конторскую книгу и делал в ней пометки карандашом.

– А, вот и вы! – сказал он довольно радостно, заметив вошедшего.

– Мы знакомы?

Господин провел пальцем по странице.

– Имею честь видеть господина Ванзарова? Родион Георгиевич?

От такой чести отказаться было никак нельзя. Гость только хотел узнать, каким образом его фамилия раньше него оказалась в книге гостей.

– Но вы же должны были приехать!

Господин в пенсне сказал это таким тоном, как будто под сомнение были поставлены законы мироздания.

– Позвольте представиться: доктор Могилевский! – продолжил он с поклоном. – Сейчас не сезон, у нас сокращение штата, так что я и за портье, и за хозяйство, и за лечение. Да, и позвольте приветствовать вас в лучшем санатории России, а вскоре и Европы. Наш профиль – нервные болезни. Но зимой мы закрыты.

– Как же нервным людям пережить зиму? – спросил Ванзаров.

Вопрос лишь на миг привел в замешательство, доктор воспитанно улыбнулся и заверил, что для гостей они делают все возможное.

– Заодно спасаете пассажиров дачных поездов, застрявших в снегу.

– Простите? – Доктор искренно не понял, что от него хотят.

– Какая волшебная предусмотрительность: послать караван саней к нам на выручку.

– Ничего удивительного: мы ждали гостей. Со станции телефонировали, что пути завалены, поезд пробиться не сможет. Извозчикам было приказано ехать лесом.

– Редкая способность просчитывать на два хода вперед, – сказал Ванзаров, дернув за усы. Что было недобрым знаком для тех, кто знал его повадки.

Доктор принял комплимент с благодарностью и принялся объяснять гостью, что ему полагается номер в пансионе, вскоре будет обед, весь санаторий к его распоряжению, но администрация заранее приносит свои извинения: многие помещения закрыты на зиму.

– А много ли у вас нынче гостей остановилось?

– Все, кто прибыли раньше вас, – ответил доктор. – Вы же вместе ехали.

– То есть до того, как сюда на семи санях приехало тринадцать человек, у вас постояльцев не было?

– Совершенно так.

– Наделали вам внезапных хлопот. Свалились к вам как снег на голову.

– Ничего подобного! – запротестовал доктор. – Мы заранее протопили помещения, открыли пансион, да и продуктов надо было завезти. Такие вещи вдруг не делаются.

– Кто же вас предупредил?

– О чем тут предупреждать? Господа выиграли рождественский отдых благотворительного фонда…

– Какого фонда? – перебил Ванзаров.

– Семейного добросердечия и дружеской поддержки, довольно известное благотворительное учреждение, как говорят.

О таком Ванзаров ничего не слышал. И кто об этом фонде говорит – тоже не знал. Вот что значит оторваться от дел милосердия и иметь дело с преступниками да богатыми клиентами. Он подумал, что недурно будет внести свою лепту в дело милосердия. Не всякий фонд вытаскивает своих благодетелей из снежной катастрофы посреди леса.

– Какое отношение к этому фонду имеет моя скромная персона? – спросил Ванзаров, никогда не игравший в лотереи, даже благотворительные.

– Не могу знать! – Доктор почтительно улыбнулся, как бы отмечая скромность мецената. – Ваше имя мы получили в числе прочих гостей. С прибывшими вас не было, я уж решил, что не смогли.

– Не могли бы показать присланный список?

Доктор покопался в ящичке и протянул бланк телеграммы, в которой сообщалось о прибытии четырнадцати гостей сегодня. Дата стояла позавчерашняя, получена Сестрорецкой почтово-телеграфной конторой.

– Тут не указана моя фамилия, – сказал Ванзаров.

Как видно, господин Могилевский был сама терпеливость, недаром исцелял нервные болезни. Он не поленился достать лист плотной бумаги, который был прислан заказным письмом, как было пояснено. Лист содержал список четырнадцати фамилий. Ванзаров занимал почетное последнее место. Первым шел некий Джон Маверик, подданный Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Это господин в перстнях и собольей шубе? – спросил Ванзаров, указывая на верхнюю строчку.

– О да! – согласился доктор, всем видом намекая, что любой гость для него праздник, даже если это праздник с отвратительными манерами и барскими замашками.

– Он американец?!

– По паспорту – несомненно, – последовал ответ.

Ванзаров еле сдержал язык, чтобы не спросить паспорт. Такие замашки пристали чиновнику сыскной полиции, а вовсе не скромному отдыхающему. Надо думать, что документ настоящий. А подделку определить смогут двое: дорогой Лебедев или бесценный братец Борис, чиновник МИДа. Оба далеко и недоступны.

– А это кто такой? – спросил он, указывая на строчку сразу над собой.

– Подданный Бельгии, некий Геркулес Пьюро… – произнес доктор, как мог, трудную фамилию. – Паспорт у него в порядке.

– Ваш санаторий обретает европейскую известность, – заметил Ванзаров, чем польстил доктору. Тот зарделся краше девицы.

Изучение списка продолжилось. Г-н и г-жа Стрепетовы – несомненно, семейная пара. Игнатьев числился как полагается. Попав на фамилию «Францевич», Ванзаров вспомнил, как зовут жандармского ротмистра. Дамы, стоящие следом за г-ном Верониным Орестом Семеновичем, оказывается, были Дворжецкая Лилия Карловна и Сидихина Дарья Семеновна. Инициалы подсказывали, что одна – его сестра, а другая, вероятно, тетушка. Неопределенность вызывали Меркумов и Лотошкин: кто из них кто? Доктор сомнения развеял. Камердинером американца оказался Лотошкин, а про Меркумова сведений не имелось. Кажется, из провинции.

Свой интерес Ванзаров пояснил тем, что никогда не мешает знать соседей, с кем придется встречать праздник. Не надо было сравнивать почерк своего письма и списка, чтобы убедиться: одна и та же тщательно выведенная каллиграфия. Такую не забудешь. Он спросил, не надо ли и ему расписаться в книге гостей. Доктор всполошился, повернул к нему книгу и подвинул чернильницу с ручкой. Ванзаров старательно промокнул перо, смахнул лишнее о край чернильницы и

тщательно расписался. Ему хватило времени просмотреть столбик подписей. Каллиграфических не оказалось. Что было бы незаслуженным подарком.

Доктор аккуратно промокнул свежую закорючку и выдал ключи от номера на втором этаже пансиона.

– Кого еще ждете? – спросил Ванзаров.

– Гости все прибыли, – ответил Могилевский и пожелал приятного отдыха. – Воздух у нас замечательный, исключительно целебный, особенно после душного города. Обед будет накрыт примерно через часок. Кстати, и елка намечена для праздника, все, как полагается.

Снег не переставал. Санаторий «Курорт», известный по множеству открыток и фотографий в иллюстрированном приложении к «Ниве», краса и гордость столичного взморья, казался развалинами древнего строения, погребенного песком времени. Только шпили башенок курзала стояли против непогоды. Ванзаров не мог забыть событий, что произошли при закладке этого санатория, как не мог их забыть Лебедев. И сейчас, в наступившей тьме, в которой еле светлели сугробы, ему показалось, что часы повернули вспять и вот-вот случится нечто, чему он не сможет помешать. И опять он опаздывает и не знает, кого защитить от удара. То, что удар случится и опасения несчастного не напрасны, он не сомневался. Логика металась в сомнениях, но он был рад, что весь путь присматривался к ехавшим в вагоне. Теперь этот опыт пригодится.

Только нет ответа на главные вопросы: кого защищать? И почему жертва так старательно прячется от него? Один из вероятных ответов был странен до неприличия: жертва старательно заманивает своего убийцу. Вот только в какую ловушку? И не будет ли Ванзаров сам частью этой ловушки? Вопросы, по которым психологика пока предпочитала помалкивать.

Сбоку обнаружилось шевеление. Ванзаров пригляделся. В темноте передвигалось нечто ниже человеческого роста. Существо казалось шаром на коротких ножках, мохнатым и корявым. Вид его столь дик, что Ванзаров невольно напряг мышцы, изготовившись к чему угодно. То, что двигалось, вышло из тени, на открытый участок, и Ванзаров не мог не удивиться. Это была согбенная старуха в драной овчине, вывернутой наружу. Подпоясана грубой веревкой, чуть ли не канатом. На горбу – мешок с углем чудовищного размера,

неподъемный здоровому грузчику.

Старуха глянула на него. Менее закаленный человек вздрогнул бы, а нервнобольной рухнул в обморок. Хуже уродства не найти и в Кунсткамере: нижняя губа у нее срослась с подбородком и свисала багровой раной, нос торчал волосатым пнем, лоб и щеки изъедены складками, а маленькие глазки горят злобой. Чудище детских сказок. Такую и Баба-яга, пожалуй, испугалась бы. Особенно ночью. Хорошо, что попалась на крепкую личность…

Пробубнив что-то злобное, старуха поплелась своей дорогой.

Ванзаров глотнул освежающего воздуха вперемешку со снегом и направился к пансиону, горевшему зажженными окнами.

Памятка

для удобства господ внимательных читателей

Список гостей и победителей благотворительной лотереи фонда Семейного добросердечия и дружеской поддержки, основанного в С.-Петербурге в 1900 году, в июне месяце:

1. Мр. Дж. МАВЕРИК, подданный С-АСШ

2. Г-н ЛОТОШКИН Иван Иванович

3. Г-н ВЕРОНИН Орест Семенович

4. Г-жа ВЕРОНИНА Маргарита Орестовна

5. Г-жа ДВОРЖЕЦКАЯ Лилия Карловна

6. Г-жа СИДИХИНА Дарья Семеновна

7. Г-н НАВЛОЦКИЙ Иван Иванович

8. Г-н ИГНАТЬЕВ Владимир Петрович

9. Г-н СТРЕПЕТОВ Иван Иванович

10. Г-жа СТРЕПЕТОВА Нина Васильевна

11. Г-н МЕРКУМОВ Леонтий Иванович

12. Мс. Геркулес ПУЙРОТ, подданный бельгийской короны

13. Г-н ФРАНЦЕВИЧ Павел Федорович

14. Г-н ВАНЗАРОВ Родион Георгиевич

Разыскной рапорт № 2

Ваше превосходительство!

Имею честь доложить сложившиеся обстоятельства. После аварии поезда, который по недосмотру машиниста, а особо путевого обходчика, завяз в ледяных сугробах, мною были предприняты чрезвычайные усилия с целью найти выход из сложившейся ситуации. Мною было принято решение действовать в сложившихся обстоятельствах. А для того найти необходимый транспорт. Преодолевая пургу и вьюгу, утопая по горло в снегу, я смог добраться до станции Сестрорецк и нанять извозчиков с санями, которые там постоянно дежурят в ожидании прихода поезда. Однако, помня, что мне следует хранить скрытность, счел необходимым нанять не одни, а восемь саней, на которые мною были потрачены сто рублей.

Излагаю причины моего решения: в случае подгона одних саней и предложения услуги исключительно объекту Джокер это могло быть расценено им как попытка войти в доверие. Зная его хитрость и изворотливость, о коей был поставлен в известность, счел за лучшее замаскировать свои намерения большим количество саней для всех пассажиров вагона. Другой резон: каждый из них может оказаться сообщником Джокера, а у меня не было достаточно времени, чтобы изучить всех подозреваемых.

Таким образом, я прибыл к месту аварии во главе кавалькады саней, что вызвало настоящий фурор у пассажиров. Был доволен, что моя хитрость возымела действие. Джокер ничего не заподозрил, очевидно, решив, что железнодорожное ведомство прислало извозчиков на выручку. Сам я воспользовался санями еще и с тем, чтобы прощупать наиболее подозреваемое мною лицо: иностранца с усиками. Им оказался бельгийский подданный по фамилии Пуйро. Пользуясь своим блестящим знанием французского языка, я выяснил, что данный субъект пребывает в Петербурге ради рождественских развлечений. Одним сим ответом он выдал себя с головы до ног. Невозможно представить себе европейца, который по доброй воле приедет зимой в Россию отмечать Святки. Ложь его была тем очевиднее, что на ногах у него мною были замечены ботинки на тонкой подошве, в каких не по снегу бегать, а по паркету гулять.

Болтая в дороге о разных пустяках, я пытался выведать, что связывает Пуйро и Джокера. Но толстяк оказался чрезвычайно хитер и изворотлив и ловко избегал языковых ловушек, расставленных мною.

Наш караван саней прибыл в «Курорт», когда сильно стемнело, а снег шел стеной. К счастью, в санатории были свободные места, и всем пассажирам, то есть подозреваемым, удалось разместиться в роскошном пансионе «Сан-Ремо». Считаю, что на данном этапе проведенная мною операция достигла блестящего результата: Джокер и подозреваемые находятся под моим полным контролем в ограниченном пространстве. Далее приступаю к описанию размещения всех лиц. Делаю это с целью передачи Вам достоверных данных о расположении каждого. Они могут быть полезны в случае моей гибели на данном задании, к чему я целиком готов, и заступления на вахту иного агента.

Пансион вообще представляет собой двухэтажное строение. В бельэтаже имеется семь номеров. В трех разместилось семейство господина Веронина: он сам, очаровательная и опасная Марго. Старушка с перезревшей дамой заняли один номер на двоих. Рядом с ними поместился шут Навлоцкий. Одну угловую комнату у входа занял камердинер Лотошкин, другую – ваш покорный слуга. Номер мною был выбран с дальним умыслом.

Во-первых, такой диспозицией я контролирую, кто и когда входит и выходит из пансиона. Во-вторых, мне необходимо соседство с камердинером. Я намереваюсь заручиться его доверием, или попросту подкупить, чтобы в ближайший удобный момент он позволил мне изучить чемоданы своего хозяина. Возможно, этот дерзкий шаг приведет к немедленному успеху. Остается только нащупать нужную ниточку Лотошкина. Для этого я уже вежливо улыбнулся ему и сделал комплимент, что простой народ, а особенно прислуга, всемерно ценит. Дело остается за малым: быстро и окончательно перетянуть его на свою сторону, завербовав целиком.

На втором этаже находится шесть номеров. Самый большой и роскошный занял, разумеется, Джокер. Рядом с ним в маленькой комнате, прямо над камердинером, поселился господин с бородой. Из разговора я понял, что он – провинциальный актер из Саратова. Что не делает ему чести. На другой стороне от номера Джокера разместился бельгийский толстячок, что лишний раз подтверждает мои опасения: они заодно. Также на этаже поселили старика с портфелем и неприятного господина с кошачьими усами, который занимается не пойми чем. Последний номер-каморку занимает доктор Могилевский, как он мне

сказал.

Погода, безусловно, способствует моему розыску. Пройти по сугробам и метели практически невозможно. Джокер и подозреваемые лица будут вынуждены проводить время в помещениях курзала, где им трудно будет укрыться от моего внимательно взгляда. В ближайшее время должен состояться обед, на котором, вероятно, я смогу заметить что-то важное или понять намерения Джокера. Пока он ничем не выдает себя и умело притворяется богатым барином. Но такая маскировка ему не поможет. Нюхом и опытом чую: готовятся большие события…

Ж. к. ротмистр Францевич

11

«Психологика – наука тонкая и вдумчивая, требующая не только внимательности, но и умения сравнивать факты, находить скрытое в очевидном, то есть не менее скрытое, потому что очевидно, то есть строить логические конструкции там, где их меньше всего ожидают» – такими вот измышлениями Ванзаров нарочно доводил Лебедева до легкого бешенства. На самом деле, меньше всего в психологике было науки, все больше простой практической сметки, которую надо было не лениться применять. И опыта, которого чиновник сыска набирается, как свинья желудей. Психологика была столь проста и универсальна, что оправдывала практически любой поступок ее создателя. Например, пользоваться доверчивостью людей.

Войдя в пансион, Ванзаров заметил, что при его появлении створки дверей номера Веронина чуть приоткрылись и быстро затворились. Такой же маневр произошел с дверью соседнего номера. Что могло говорить только об одном: намечается тайная встреча, участники которой не желают случайной огласки.

Ванзаров старательно затопал по ступенькам, кряхтя и сопя, будто ему было тяжело, громко прошелся по полу своего этажа, клацнул замком и довольно грубо хлопнул створкой. После чего оставалось затаиться, а лучше не дышать. Примитивный обман сработал. Внизу скрипнули двери, послышались тихие шаги

и приглушенный говор. Ступая каблуком ботинок, чтобы не скрипнуть половицей, Ванзаров пробрался к проему лестницы, где слова были различимы.

– Ося, ты уверен, что мы попали туда? – спрашивал капризный голос.

– «Курорт» не спутаешь, – отвечал другой, слегка покашливая.

Голоса, без сомнений, принадлежали Навлоцкому и Веронину.

Подслушивать, конечно, неприлично. Но надо. Психологика заставляет.

– Но ведь в приглашении ясно сказано: турнир.

– Для турнира с хорошей ставкой хватит троих, – и опять кашель.

– Ну и с кем тут крутить?

– Кандидаты имеются.

– Этот, в соболях? Ну, не знаю…

– Один из возможных.

– Американец? Так он, поди, и по-русски не понимает, во всю дорогу рта не раскрыл, камердинером жестами командует. Может, вовсе игры не знает… Что у них там, в Америке, за дикости.

– Не знает – научим. Ты, главное, свою роль не забывай…

– С тобой забудешь… А еще тебе кто глянулся?

– Да вот хоть бородатый, на вид – купчишка провинциальный.

– Что думаешь про колобка с усиками? Тоже вроде иностранец, лакомый кусок…

– С ним не рядись… По повадке вижу: хитер лис.

– Да? А я уж наметился…

– Забудь… Вот ведь, кашель проклятый привязался…

– Полечись…

– Здесь заодно и полечусь…

– А этот субчик: с усами врастопырку и клетчатом безобразии?

– Не трать сил: гол как сокол… Наверняка репортеришка или что-то подобное…

Ванзаров вовремя отпрыгнул к своей двери, сделав вид, что копается в замке. Из номера тяжело и грузно вышел Игнатьев. Папку свою он не выпускал из рук. Внизу же стихло, скрипнули прикрываемые двери. Чтобы не повторять неприятный момент, Ванзаров старательно нажимал на ключ, будто он не желает проворачиваться.

– Добрый вечер, Родион Георгиевич, – сказал тихий старческий голос.

– И вам добрый, Владимир Петрович, – в тон ответил Ванзаров.

Нотариус оглянулся, будто за ним следили стены, и подошел поближе.

– Не держите на меня обиду, дорогой, за то самое… – Игнатьев изобразительно покрутил свободной ладонью. – В вагоне столько посторонних, мало ли чего.

Ненужный ключ скрылся в кармане. Ванзаров гостеприимно распахнул дверь своего номера, где никто не помешает. Игнатьев отмахнулся так однозначно, что уговаривать не имело смысла. Оставалось только самому не попасть в детскую ловушку. Ванзаров шагнул так близко, как позволяли приличия.

– Владимир Петрович, чего вы боитесь? – шепнул он старику в самое ухо.

– Господь с вами, чего мне бояться… – все-таки оглянувшись, ответил нотариус.

– Я хоть не служу в полиции, но сил и возможности защитить вас у меня хватит…

– Не надо меня защищать, голубчик, я и сам кого хочешь в бараний рог согну… Моя защита – моя профессия. Нотариус – столп и основание закона.

– Значит, подались в милосердие?

Старичок сурово насупил редкие брови: он не любил шуток, которых не понимал.

– Ну, Общество семейного добросердечия и дружеской поддержки…

Игнатьев решительно не понимал, о чем его спрашивают. Этого было достаточно.

– Тогда что же вы тут делаете? – спросил Ванзаров.

– Поверьте, голубчик: не знаю…

– Не стану мучить вас расспросами…

– Не тратьте сил: мой рот под замком нотариальной тайны. Крепче его нет.

– При желании к любому замку отмычка найдется… – Ванзарову пришлось придержать резво отшатнувшегося старичка. – Да не буду, не буду… Шутки не понимаете. На вас не похоже…

– Сам я на себя не похож… – ответил Игнатьев, брезгливо озираясь по сторонам. – Сидел себе тихо, чинно и благородно. Так нет же…

– Что же вас заставило… Ах нет, простите, это нотариальная тайна.

– Да, тайна, – упрямо заявил Игнатьев. – И не пытайте.

– У меня и талантов не хватит. А учитывая теплое отношение к вам…

– Не надо, Родион Георгиевич, не подкатывайте с вашими штучками фирменными.

Ванзарову оставалось скроить исключительно невинную физиономию: и в чем только можно подозревать чиновника в отставке?

– А знаете, что… – сказал он решительным шепотом. – Раз у вас от меня секреты, у меня перед вами никаких секретов. Вот, полюбуйтесь, каким финтом я оказался в этой лузе… – И Ванзаров протянул письмо.

Надевать очки Игнатьеву не потребовалось: зрение у него было отличное, на зависть молодым. Пробежав содержание, сунул лист так, будто тот горел.

– Заберите… – буркнул он.

– Что об этом думаете?

– Думать нотариусу не полагается, мы за правильностью документов следим, подписи заверяем и лица удостоверяем…

– И все же…

– Родион Георгиевич, сделайте милость великую: пока мы тут обитаем, не показывайте, что мы приятельствуем и даже знакомы. Ни к чему это…

Игнатьев тронул его за локоть, старческие пальцы впились неприятно, и быстро засеменил по лестнице. Слово Ванзаров держал непременно, даже если это было крайне неудобно для него. Тем более психологика вылущила мрачного старика, как орех.

Несомненно, Игнатьев здесь ради немалого куша, который и мертвого с места поднимет. Заработок у нотариуса регулярный, но мелкий. А тут, видимо, обещано столько, что можно уйти на покой, продав контору. Если старик опасается, значит, ставки чрезвычайно высоки.

Куда важнее другое: он видел этот почерк. Ванзаров помнил, с какой трепетной любовью Игнатьев относился к правильному, чистому почерку. А тут – не обратил внимания на такую каллиграфию. Логичное объяснение одно: он боится автора этого послания. Боится того, кто боится, что его убьют.

12

Записная книжка Г. П.

Дорогая Агата, события начинают сплетаться в клубок не хуже того, что крутите вы, сидя в моем маленьком саду в кресле-качалке. Как я о нем скучаю! Впрочем, сейчас не время предаваться воспоминаниям.

Зная мою осторожность, можете вообразить, как тщательно я проверил место моего временного пребывания. Запоры на двери и окнах показались надежны, матрац довольно мягким, а ковер как раз таким, чтобы скрадывать шаги, если мне понадобится незаметно оказаться у замочной скважины. Я бы предпочитал оказаться на другом этаже, где разместились более интересующие меня персонажи, но портье не в состоянии был понять ни одного языка, которым я владею. Рядом со мной поселился тот самый возмутительный тип, щеголяющий своим богатством, тихий старичок, господин с русской бородой, по моему пониманию – коммерсант очень средней руки, и неприятная личность с пошлыми кошачьими усами, с которой я бы предпочитал не иметь ничего общего. Расположение в бельэтаже имеет свои преимущества. Так, я могу наблюдать из окна, кто и когда покидает наш пансион и возвращается в него. Все это, конечно, мило, но ни на шаг не приблизило меня к разгадке тайны, из-за которой я очутился здесь в легкомысленных ботинках.

Вас всегда интересовало, дорога Агата, каким образом я подбираюсь к преступнику. От вас ничего не буду скрывать. В первую очередь надо составить непредвзятое мнение о каждом, кто оказался в круге подозреваемых. Затем выделить из них наиболее и наименее вероятных кандидатов. Затем все ближе и ближе подбираться к виновнику, настолько осторожно и умно, чтобы он не смог заранее догадаться. Такая методика всегда приносила мне успех. Надеюсь, что в России она принесет мне победу.

Как вы помните, мне было поручено отыскать одну ценную пропажу. Вещица должна непременно быть у вора, потому что он не рискнет оставить ее в доме. Как видно, подозревая, что его могут обыскать. В такой ситуации грубый полицейский ум предложил бы перерыть все вещи и довершить дело личным досмотром, наверняка пропажа найдется. Такой метод для меня неприемлем. Найти украденное важно, но не менее важно понять причины, подтолкнувшие к преступлению. Ведь понять преступника – это добавить бесценный опыт в копилку знаний сыщика, который непременно пригодится в дальнейшем. Надеюсь, что эти скучные размышления не утомили вас, дорогая Агата. Пора перейти к делу.

Еще в вагоне я заметил, что в семействе господина Веронина не все гладко, хоть пожилая дама и ее молодая родственница прилагали все усилия, чтобы казаться беззаботными. Мне показалось, что милая барышня Марго не испытывает к своему родителю теплых чувств. Если не сказать больше. Несмотря на всю ее холодную, северную красоту, которая может затмить разум куда более слабый, чем мой, нельзя не видеть, какой это сильный характер. Из такого характера, как из яйца дракона, часто вылупляются самые опасные преступники. Чему я был не раз свидетелем. Это самый опасный вид преступников, который не изобличит ни лучший физиогномист, ни самый опытный френолог, ни тем более доктор психологии. С виду такие преступники кажутся самыми очаровательными, невинными существами, воплощениями мягкости и добросердечия. Именно такая маска позволяет им совершать чудовищные преступления. Чувство стыда у них атрофировано полностью. Они уверены в своей безнаказанности и ничего не боятся. В этой безграничной храбрости они способны на многое. Если не сказать на всё.

Остается только надеяться, что я глубоко ошибаюсь с этой барышней или в лучшем случае она еще не доросла до вершин коварства. Но бутон уже завязался. И этому вскоре нашлось подтверждение.

Готовясь к обеду, я посчитал долгом воспитанного человека почистить пиджак, запылившийся в дороге, взял платяную щетку и вышел в коридор. К сожалению, я вынужден делать работу горничной, но мне объяснили, что зимой штат прислуги значительно сокращен. Что ж, я всегда готов к новым испытаниям. Стоя в коридоре и борясь с пылинками, я услышал, как внизу громко хлопнула дверь и раздались возбужденные голоса. Хоть спорящие пытались сдерживать себя, до меня отчетливо доносилось каждое слово. К некоторому удивлению, я понял, что столкнулась Марго со своим отцом. Я сильно сожалел, что не изучил

русский перед поездкой. Мне казалось, что в этой стране все приличные люди свободно говорят по-французски, как уверял меня мой майор. Реальность оказалась далека от ожиданий. Марго и господин Веронин спорили на повышенных тонах.

Я не мог разобрать точных слов, но призвал на помощь мою тонкую интуицию, закрыл глаза, расслабил мышцы спины, немного запрокинул голову назад и представил, что я знаю этот язык, я могу его понимать, я впитываю слова, как ветер. Я слышал об этой интересной методике, но никогда не пользовался ей. Теперь же настал шанс применить ее в действии. Я точно поступил по инструкции. Стоять с закрытыми глазами оказалось не так просто, мне потребовалось широко расставить ноги, чтобы удержать равновесие. Но как только баланс был достигнут, я смог сосредоточиться на разговоре.

Не прошло и мгновения, как вдруг я осознал, что понимаю, о чем идет спор. Нет, слова для меня по-прежнему были не ясны, но смысл стал отчетлив и прозрачен, как будто я наблюдал чужую жизнь через тонкий тюль, который смазывает общую картину, но показывает все контуры. Это было восхитительное чувство, дорогая Агата, чувство победы разума над несовершенством человеческой природы. Но не буду слишком гордиться, чтобы вы не подумали, что я хвастаюсь. Скромность – моя вторая натура. Между тем спор шел серьезный. Изложу вам так, будто я и в самом деле обладаю искусством мгновенного перевода.

Господин Веронин обвинял дочь в неблагодарности, что родители часто себе позволяют. Марго отказывала ему в том, что он был для нее хорошим отцом. Она резко заявила, что будет вести себя так, как считает нужным, и ему недолго осталось над ней властвовать. Кажется, она хотела немедленно покинуть этот пансион.

Господину Веронину пришлось взывать к ее разуму и чувству долга, которое должно быть развито у каждой дочери. В ответ он получил жесткий и язвительный ответ, смысл которого сводится к тому, что «не тебе меня учить».

Господин Веронин с отеческой мягкостью стал убеждать дочь образумиться, что возымело некоторое действие. Марго уменьшила пыл, став куда более сдержанной. Но при этом не сдвинулась со своих позиций. Кажется, она обещала совершить какой-то поступок в самое ближайшее время, и отец ей в этом не сможет помешать. Господин Веронин пошел на попятную, что для родителя

является большой ошибкой, стал соглашаться и уговаривать не спешить с каким-то неразумным поступком.

Марго, совершенно овладев собой, говорила ровным голосом. Смысл сказанного был тот, что она сама будет принимать решение, как ей поступать. С этим она выскочила из пансиона, громко хлопнув дверью. Бедному господину Веронину оставалось только кашлять в одиночестве. Вслед за тем появился кто-то из его родственниц, вероятно, высунувшись из своего номера: я услышал застенчивый женский голос. Видимо, поединок с дочерью истощил запас мягкости несчастного Веронина, и он довольно грубо прикрикнул на женщину. После чего я вынужден был вернуться к себе.

Услышанное натолкнуло меня на размышления. Вероятно, мне придется пересмотреть стратегию розыска. Что к лучшему: результат может быть очень скоро. Без сомнений, ясно одно: похищенное находится здесь. Мне придется устроить некую ловушку, в которую попадет преступник и вынужден будет отдать украденное. Это будет нелегко, но ведь за это дело взялся ваш покорный слуга, милая Агата. Не знаю, что может мне помешать. Но нет, в этом я покривил душой. Меня не оставляет чувство, что здесь готовится нечто большое и зловещее, к чему я искренно не готов. Не могу объяснить вам, дорогая, откуда взялось это чувство. Но оно не покидает меня с того момента, как я вошел в вагон. Быть может, это всего лишь фантазия, навеянная этой мрачной, заснеженной страной…

13

В маленьком доме часто хлопали двери. Коридор бельэтажа оказался местом довольно бойким. Не успел нотариус спуститься по лестнице, как из своего номера показался господин с бородой. Приличия требовали, чтоб соседи хотя бы поздоровались. Ванзаров не стал обращаться к нему по фамилии, а нейтрально пожелал доброго вечера. На него обрушился поток радости. Господин Меркумов без церемоний заявил, как он рад такому соседству, как неловко себя чувствует в столице, спохватившись, назвал фамилию и, совершенно смутившись, чего трудно ожидать от взрослого мужчины, добавил имя и отчество.

– Очень рад знакомству, Леонтий Иванович, – просто сказал Ванзаров, представившись. – Откуда прибыли к нам?

– Ох, из Саратова… – застенчиво ответил Меркумов.

Простая наблюдательность без помощи психологики обычно давала портрет сразу. Оглядев жителя провинции, Ванзаров не смог определить, чем именно он занимается. Костюм из дорогой ткани, но плохо пошит. Галстук модный, но повязан неумело. Сорочка несвежая, ботинки натоптанные, неновые. Цепочка фальшивого золота из кармашка жилетки говорила скорее о наивности, чем желании произвести впечатление. На холеных пальцах с аккуратными ногтями только дешевое обручальное кольцо.

– Как попал в столичную круговерть, так и не могу опомниться, – продолжил он.

– Коммерческий интерес дается трудами великими… – подсказал Ванзаров.

Меркумов горестно вздохнул.

– Да какой тут интерес, шкура бы уцелела…

– Партнеры недобросовестные? Это у нас сплошь и рядом, и в столице, и везде…

– Да уж, такие люди тут у вас, что и не знаешь, как себя поставить…

– Так скажите, что случилось. Вдруг помогу, я многих в столице знаю…

Только этого Меркумов и ждал.

– Ой, спасибо вам, господин хороший, – он схватил ладонь Ванзарова и принялся ее трясти. – В такой переплет попал, что и не знаю… Я ведь актер…

– Актер? – невольно переспросил Ванзаров.

– Именно так… – Меркумов глубоко поклонился. – Фамилия моя в столицах неизвестна, но на Волге про меня знают… Бенефисы дают, публика меня

любит… Премьеру по шекспировской «Буре» должен был играть…

– Завистники подсидели?

– Хуже, сам в петлю полез… – И Меркумов, заслонив собой проход, рассказал занимательную историю.

Несколько дней назад он получил из Петербурга приглашение на роль в Александринском императорском театре – мечта любого провинциального актера. Меркумова приглашали на главную роль в постановке пьесы Островского. Нужен был им настоящий волжский типаж. Такой шанс актеру выпадает раз в жизни. Меркумов бросил все и приехал в столицу. Так он был рад, что мечта его осуществится, что прямо с поезда, не заезжая в гостиницу, которую для него сняли, явился в театр. И тут открывается, что про него никто и слыхом не слыхивал. Роль ему никто давать не собирается, а предложили убираться подобру-поздорову, пока городового не вызвали. Удар был чудовищный. В Саратове Меркумов бросил главную роль. Вернуться ему назад невозможно: из губернского тетра его в шею погонят. И в столице, оказывается, никто не ждет. Главное, не понять: кто такой розыгрыш устроил? Для чего? Зачем?

Делать нечего, Меркумов никого в Петербурге не знает, денег почти нет, остается одно – поехать в гостиницу. К удивлению, на его фамилию заказан номер, что уже было недурно. Меркумов заходит в номер и обнаруживает на столе конверт. А в нем пространное письмо, в котором ему приносят извинения за ошибку и в качестве компенсации предлагают ангажемент: выступление в санатории «Курорт» на все Святки. Гонорар находится тут же. Он так велик, что Меркумов безбедно может прожить на него год. Только требуется выехать немедленно…

– Не покажете письмо? – спросил Ванзаров.

Меркумов признался, что забыл в гостинице. Да и какой в нем прок, главное, гонорар в кармане.

– Кто же с вами так жестоко пошутил?

– Ума не приложу, – ответил Меркумов. – Шутка дороговато выходит. Одни билеты до Петербурга мне стоили…

– А с чем выступать будете?

– Драматические сценки из классики…

– Это чудесно, – сказал Ванзаров. – Если будут трудности – не стесняйтесь, обращайтесь по-простому, по-соседски.

Меркумов принялся благодарить так горячо, что Ванзарову пришлось спасаться в своем номере.

Комната была чистой и уютной. В платяном шкафу обнаружился запас свежих сорочек. И без примерки Ванзаров был уверен, что размер ему подойдет. Ничего особенного в антураже не было: тихое место для приморского отдыха людей с расстроенными нервами. Если не считать конверта на чайном столике. Ванзаров откинулся на спинку стула и неторопливо вскрыл корреспонденцию. Внутри ожидаемо было письмо на плотной бумаге:

«Господин Ванзаров! Благодарю, что приняли предложение. Надеюсь, Ваш аналитический ум уже открыл, почему я вынужден пока оставаться в тени. Прошу Вас утроить бдительность. Не думайте, что мой враг затаился. Он так близко, что может нанести удар в любую минуту. Защитите мою жизнь. Будьте готовы к событиям, которые произойдут в самое ближайшее время. Потребуется весь Ваш гений, чтобы помешать убийце. Будьте всегда рядом».

Можно было не сличать почерк, чтобы убедиться: каллиграфия была прежней. Ванзаров развернул плоскость письма к свету люстры и внимательно рассмотрел чернила. Без криминалиста он не рискнул бы сказать, что высохли они давно. Предположение было важным, но довольно шатким. Использовать его для логических построений было нельзя.

Прекрасно, что клиент такого высокого мнения о его способностях. Прекрасно, что не изменяет способ общения. Печалит только неясность самой фигуры, которая прячется в тени. Пора бы вывести ее на свет, как бы опасно это ни оказалось. А опасность всегда действовала бодряще, как ведро ледяной воды по утрам. При этом разгуливался аппетит. Он вспомнил, что остался без завтрака. И

вообще ничего не ел со вчерашнего вечера. Что для солидного частного сыщика неприлично.

Ванзаров вышел, как раз когда из своего номера появился полный иностранец. Тот сделал все возможное, чтобы избежать встречи. Но удача играла против него. Господин с тонкими усиками изобразил кислую улыбку и намеревался прошмыгнуть к лестнице. Но Ванзаров как бы случайно перекрыл дорогу. Изобразив настоящее русское радушие, он поклонился в пол, назвал себя многословно и не отказал в удовольствии троекратно облобызать надутого бельгийца. Несчастный держал себя в руках, но слюни на выбритых щечках торопливо затер надушенным платочком.

– Какими судьбами в России, господин Пуйро? – спросил Ванзаров с отменно ужасным акцентом.

– Прибыл на каникулы, – сдержанно ответил тот.

– О, чудесно! Погодка как раз отменная!

– Да-да, я рад…

– Хотите, покажу вам настоящие русские развлечения: купание в ледяной проруби и штурм снежной бабы?

– Благодарю вас, не стоит…

– Ну, как хотите! Ой, что это? – Ванзаров картинно испугался так, что бельгиец не мог не встревожиться в ответ. – Да у вас ботинки на тонкой подошве! Заболеете – умрете, не иначе. Решено, прикажу выдать вам настоящие русские валенки…

– Благодарю вас, не нужно. Позвольте… – Пуйро старался протиснуться, но сделать это было непросто: Ванзаров стоял колоссом.

– Нет, нет: валенки, и только! – продолжал он. – А что вы тут делаете, в санатории? Заболели?

– Просто отдыхаю, дышу полезным морским воздухом.

– О, воздух – это полезно! А хотите водки? Для начала – графинчик? На двоих – пойдет за милую душу! Я распоряжусь.

– Нет! – вскрикнул Пуйро. – Позвольте пройти, мне пора обедать.

– Так и я с вами! – обрадовался Ванзаров и почти обнял его за плечи. Но Пуйро вывернулся.

– Это невозможно… У меня еще встреча, мне пора… – И он резво проскочил к лестнице.

Ловить его Ванзаров не стал. Он узнал все, что хотел. Когда офицер, привыкший носить форму, сталкивается с хамом, то невольно занимает оборонительную позу, к которой привык за долгие годы муштры. Особенно в гражданском костюме. Военный выпрямляет спину, левая рука держит невидимую шашку, правая – на месте, привычном для кобуры. Полицейский держится за свисток на груди, при этом правую руку заводит за спину, чтобы была свободна в случае нападения.

Ванзаров был уверен, что господин этот служит в полиции. И хоть про бельгийскую полицию не имел достоверных сведений, а всезнающего Лебедева под рукой не нашлось, логика подсказывала, что он далеко не глуп, несмотря на комичный вид и героическое имя. Жаль, что не станет откровенничать с русским хамом, для чего оказался в заснеженном Сестрорецке. Что для психологики загадкой не являлось.

14

Обед был накрыт в столовой?[7 - Здесь «столовая» подразумевает помещение в курзале, отведенное для приема пищи.]. Высокие потолки не давали хорошо прогреть помещение. Что только подчеркивало его спартанский вид. Столы, покрытые самыми простыми скатертями, венские стулья без всяких изысков, скромные шторы на окнах и вездесущие пальмы. На большее акционеры

санатория не разорились. Справедливо полагая, что лечению нервов обед в ресторанном комфорте только навредит. Больной, вероятно, должен стремительно проглотить пищу и отправиться закусывать ее свежим воздухом, морскими купаниями и прочими лечебными процедурами. Зимой добавлялся мороз и снег.

Гости заняли почти все столы. Семейство Верониных обедало вместе, хоть Марго сидела на дальнем от всех конце стола. Навлоцкий расположился спиной к ним, разделив трапезу с нотариусом, которого безуспешно пытался веселить. Супруги Стрепетовы ворковали в уголке. Месье бельгиец сумел остаться в гордом одиночестве. Жандарм кушал напротив актера, который делал робкие попытки завязать разговор, всякий раз напрасные. Не явились американец с камердинером.

Доктор Могилевский пожелал гостям приятного аппетита и устроился за узеньким столом у самых дверей. Ванзаров занял место у стены. Обед трудно было назвать роскошным. Холодные закуски были более чем скромными, четыре-пять видов, не больше. На первое подали кислые щи с пирожками. На горячее ожидалось что-то «изумительно тушеное», как обещал доктор. Про вино не могло быть и речи. Предлагалось угощаться клюквенным морсом в больших графинах. Тишину нарушал редкий звон ложек.

Суп был съеден. Гости не оживились. Все ждали вторую перемену блюд. Здоровому организму не хватает жиденького бульона с перьями капусты. Нужно нечто большее. Особенно после случившихся волнений. Возможно, Ванзаров судил по себе.

Двери столовой, закрытые из-за холода, медленно распахнулись. Камердинер Лотошкин почтительно отступил. Внимание всех было приковано к тому, что же такое должно явиться в открытом проеме. Настала торжественная тишина. Американский подданный, без песцовой шубы, в идеально сидящем смокинге, вышел на середину. Настала полная тишина. Даже Веронин приглушил свой кашель.

– Господа! – трагически и громогласно заявил мистер Маверик. – Вы получили мои приглашения на турнир, и я благодарен, что вы их приняли…

От напряжения Навлоцкий выронил ложку. Его смерили презрительным взглядом.

Нельзя сказать, что Ванзаров сильно удивился чистому великорусскому наречию, каким изъяснялся американец. Америка – страна эмигрантов, кто только не уезжал туда в поисках своей мечты. Некоторые возвращались. Скорее восхищала красота этого голоса, чистого и мощного баритона, как и удивительно четкое произношение каждого слова, буквально каждой буквы. Речь господина выдавала блестящее воспитание, которое навсегда осталось в прошлом, XIX веке. Сохранить подобную экзотику эмигрантам удается редко.

– Итак, я хочу спросить вас, готовы ли вы к турниру?

Веронин смог лишь хрипло пробурчать согласие.

– Благодарю вас, господа. Мой второй вопрос: вы изволите получить от меня вызов и принять его, в чем бы он ни заключался?

– Изволю, – брякнул Навлоцкий и прикусил губу. На него обратили внимания меньше, чем на писк комара.

– Господин Веронин, мой вопрос обращен к вам, разумеется.

– Да… – выдавил отец семейства, у которого, в самом деле, перехватило горло.

Ванзаров поглядывал за Марго. Глаза девушки были расширены, казалось, она не дышит, так целиком, без остатка, было поглощено ее внимание происходящим и фигурой американца. Не менее любопытно было поведение Францевича. Когда американец произнес: «вызов», он чуть привскочил, опомнился и сел на место. И теперь сжимал черенок ложки. Зато месье бельгиец получал истинное наслаждение от происходящего. Глазки его быстро бегали, изучая, кто и как себя повел. При этом сам старался быть тихим и незаметным.

– Вызов мой оглашаю немедленно! – произнес мистер и взял паузу, чтобы напряжение усилилось. – И вот в чем он состоит. Я вызываю вас, господин Веронин, и вас, Навлоцкий. Игра – на троих. Игра простейшая – макао. Минимальная ставка – десять тысяч рублей. Каждая следующая повышается не

менее чем в два раза. Игра идет до полного разорения одного из игроков. За отказ от игры платится штраф, равный минимальной ставке. Это мои правила. Господа, по законам благородства, предоставляю вам шанс отказаться…

Навлоцкий уже раскрыл рот, но Веронин заставил его молчать. Для этого хватило одного недоброго взгляда.

– Принимаем… – тихо проговорил он.

– Благодарю, господа, вы оказали мне честь. – Американец обернулся к доктору Могилевскому, забывшему про стылый суп: – Господин распорядитель, прошу вас подготовить стол и все необходимое для игры через два часа…

Мистер Маверик просто направился к выходу. Веронин поднялся из-за стола.

– Господин… – выкрикнул хрипло.

Маверик оглянулся.

– Мы хотим знать… С кем… на самом деле будем играть… – Слова давались Веронину с большим трудом, кашель душил его.

– Вы непременно это узнаете, – последовал ответ. С чем достойный господин и удалился.

Первым очнулся Могилевский.

– Но, позвольте… – растерянно обратился он ко всем сразу. – Где же я возьму все необходимое? У нас санаторий, а не казино…

– Не беспокойтесь об этом… – проговорил Веронин. – Я вам помогу.

– Как я вам благодарен! Орест Семенович, давайте пройдем курс ингаляции!

– Обязательно пройдем. После игры.

Веронин вышел из-за стола, оставив своих женщин в глубоком волнении. Только у Марго радостно блестели глаза.

Ванзаров догнал его в длинном холле между столовой и бильярдной.

– Могу я чем-нибудь вам помочь?

Удержав кашель, Веронин скроил презрительную мину.

– Чем вы мне можете помочь?

– Все, что в моих силах.

– Благодарю за предложение. Вас я не знаю, и помощи мне не требуется. Я сам справляюсь со своими неприятностями. – Он поклонился и пошел к выходу на улицу. Навлоцкий уже спешил за ним.

Что оставалось делать?

Самое разумное – доесть обед. Как бы жалок он ни был. Как видно, силы частному сыщику еще понадобятся. Тем более Ванзарова подмывало посмотреть, что делает прекрасная Марго. Например: не пропал ли у нее аппетит?

15

Разыскной рапорт № 3

Ваше превосходительство!

За истекшие часы ситуация резко изменилась. Я пришел к твердому мнению, что для Джокера готовится хитро задуманная западня. Руководствуясь косвенными сведениями, могу непременно свидетельствовать, что в этой афере участвуют

как минимум несколько лиц. А именно: бельгийский подданный Пьюро, некто Навлоцкий и, разумеется, господин Веронин. Главным в этом трио, несомненно, является бельгиец, если он бельгиец.

Мне удалось установить, что этот господин на самом деле крупнейший аферист мирового масштаба, который просто так не приедет в Россию. Располагаю совершенно точными сведениями, что Пьюро (или, возможно, Пьеро, хотя склоняюсь к мысли, что это кличка – от имени Пьетро), разузнав о тайне Джокера, попытался организовать на него покушение. Но покушение сорвалось. После чего Джокер был вынужден бежать в Россию, где надеялся скрыться бесследно. По Пьюро и здесь его выследил. И явился сам, хотя и в сильно измененном обличье. Но глаз Джокера распознал обман. Он понял, что имеет дело со старым врагом. Только теперь у него отрезан путь к отступлению.

Дело в том, что подручные Пьюро – некто Навлоцкий и господин Веронин – на самом деле являются не теми, за кого себя выдают. В данный момент не имею доступа к картотеке преступников империи, но могу дать слово, что видел их лица в ящике «Мошенники». Теперь понятно, почему Пьюро нанял таких подручных. Полагаю, что и семья Веронина ненастоящая, особенно его красавица дочь.

Все эти сведения были получены мною путем агентурной работы и обошлись в двести рублей, которые я заплатил камердинеру Лотошкину. Этот ловкий малый, оказывается, в услужении у Джокера с самой Америки, где шлялся без работы и чудом устроился на такое теплое место. Он никогда не против заработать лишнюю копейку. Обещает при первой возможности допустить меня к чемоданам Джокера, чтобы я смог выполнить порученное дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цитаты из пьесы В. Шекспира «Буря» в переводе Н. Сатина.

2

Об этом деле можно прочитать в романе «Из тьмы» Антона Чижа.

3

Юсуповский сад – сад с большим прудом при дворце князей Юсуповых в центре Петербурга.

4

Об этом деле можно узнать из романа «Холодные сердца» того же Антона Чижа.

5

Дух воздуха.

6

Ежедневная газета «Санкт-Петербургский листок».

7

Здесь «столовая» подразумевает помещение в курзале, отведенное для приема пищи.

Купить: https://tellnovel.me/ru/chizh_anton/labirint-prospero

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить